

Андрей Басов

Планета царя Соломона

От автора

Не буду говорить, что ждёт читателя в книге. Скажу вот о том, чего в ней нет. Нет антуражности повествования. То есть навевающих скуку длинных описаний, как что-то устроено и работает, нет и бесконечных монологов героев по пустячным поводам. Всё повествование построено на живом диалоге и непрерывно развивающихся событиях. Также нет и непомерного цинизма, кровожадности, смакования смерти, жестоких драк и секса, доведённого до порнографии. А что же тогда есть? Есть, надеюсь, лёгкость восприятия, кое-где юмор, романтичность некоторых ситуаций и, надеюсь, увлекательность серьёзного сюжета.

Хотите — читайте, а не хотите — тоже читайте. Вдруг настроение изменится к лучшему...

ГЛАВА 1

Искатель

Сквозящее недоговорками и беспокойством, если вообще не паникой письмо от Министра порядка планеты Пармезан, доставленное курьером

на специальном судне вызвало у меня предчувствие надвигающихся на кого-то или на что-то больших неприятностей. Такие лица, как министры подобные письма не рассылают частным образом незнакомым людям. Если случается нечто криминальное межпланетного порядка, то заявку на расследование посылают в Галактическую инспекцию, а не её рядовому сотруднику. Да, есть тут нарушение правил, но я всегда приветствую всякие нарушения бюрократизма. Это необычно и даже просто любопытно. Вот такое кошачье любопытство меня когда-нибудь и погубит.

Именно оно и привело к тому, что я, через два с небольшим дня оказался на Пармезане. И кто только дал этой планете такое странное название? На французский сыр она совсем не похожа ни из космоса, ни на поверхности. Я, конечно, прежде чем лететь сюда полистал Каталог заселённых планет, но там о происхождении названий планеты и столицы, именуемой Рокфор, ничего не обнаружил.

По прибытии проявлений враждебности к иноземцу не чувствуется. И если бы не сигналы карманного лахтиметра — моего служебного ангела-хранителя, предупреждающего о странных явлениях поблизости, то я бы ни о чём и не побеспокоился. Однако маленький приборчик легонько трепыхается в кармане, предупреждая:

«Посмотри меня». Смотрел, смотрел уже! Почти от самого космопорта карманный ангел-хранитель даёт знать, что у меня есть какой-то неожиданный попутчик-опекун, старающийся не попадаться на глаза. Вокруг вместе со мной и навстречу движется немало людей. Кто из них? Вон тот, который, как и я — верхом на лошади или тот, идущий пешком быстрыми шагами чуть позади? Или кто-то в вычурно разукрашенной карете? На дороге слишком оживлённо и преследователя определить не могу. Хотя лахтиметр и зафиксировал чьё-то движение, синхронное с моим.

Этот кто-то, наверное, уже был у космопорта, когда я выходил из бюро транспортного сервиса. В котором и обзавёлся спокойной, пятнистой лошадкой местной породы. Лошадь — самый популярный на Пармезане способ не пешего передвижения. Машины есть на планете, но в города им въезд запрещён. Даже электро- и паромобилям.

— Счастливого пребывания на нашей планете, — напутственно пожелал мне служащий сервиса одетый так, словно дело происходит на Земле в Европе пятнадцатого или шестнадцатого века.

— Нижайше благодарю, — благовоспитанно откликнулся я, и двинулся в сторону виднеющегося на горизонте столичного города, вкусно

именуемого Рокфор.

Казалось бы, своеобразное чувство юмора было у открывателей планеты, описавших её, хотя, как оказывается, юмор-то был вовсе не их. Планета и в то время — четыреста лет назад уже была слабо заселена такими же людьми, как и я сам. Только в справочнике нет сведений, когда и откуда они взялись со своей тогда ещё (да и сейчас чуть ли не тоже) средневековой цивилизацией. Теперь же здесь уже какая-то межвременная мешанина культуры и быта. Пармезан не на отшибе галактики, но и ничем особо ценным не богат. Вот его в своё время и не колонизировали заново. Есть много планет, находящихся значительно дальше от центра наиболее освоенной области космоса, но туристы обычно не забираются от своего дома куда-нибудь отдалённое, чем однодневный туннельный прыжок ракеты на несколько десятков парсеков.

Повторные открыватели планеты завезли аборигенам некоторых домашних животных, кое-какие машины и оставили влачить собственное, унылое существование в качестве лишь самобытного и одновременно очень мало посещаемого туристического объекта. Даже мягкий субтропический климат на планете не привлекает сюда отдыхающих. Есть много приятных мест гораздо ближе к дому. Правда космолётчики

оставили здесь ещё и межгалактический язык — галактос, на котором беспрепятственно уже довольно давно изъясняются меж собой и люди разных рас, национальностей, и четырёхрукие симы, в своё время влившиеся в Галактическое содружество.

Так что налёт привычной для нас цивилизации ощущается и здесь — в обиходе, взятом словно из земных средних веков, но без тиранства феодалов. И одеты люди, кто во что горазд. Чуть ли не от средневековых штанов — шоссов, до комбинезонов космолётчиков. Это мужчины. А уж женщины... Станный уклад. На Земле цивилизация как-то проскочила мимо такой мягкой, терпимой и спокойной общественной системы. По приветливым лицам окружающих не чувствуется гнетущего мрака земного средневековья, описанного историей.

— Но-но, кобылка! — вернул я на дорогу свою лошадку. Похоже, попытавшуюся воспользоваться моей задумчивостью и сойти с дороги к зелёной травке.

Всё-таки кто же это и зачем сопровождает меня? Судя по информации лахтиметра, мой попутчик выдал себя лишь тем ритмом движения, с каким перемещаюсь и я. Замедляется или останавливается почти вместе со мной. Или быстрее двигается чуть позже меня. Я несколько

раз менял ритм движения и прибор сразу же фиксировал то же самое у какого-то объекта, находящегося в радиусе девяти-десяти метров от меня. Странная штука. Слежка? Кому она могла понадобиться в отношении простого туриста, каким я, казалось бы, вполне благополучно прикинулся?

Мягко и грациозно, с моей точки зрения, покачиваясь в конском седле, лениво поводя глазами по сторонам, я въехал в городские ворота под странно пристальными взглядами вооружённой копиями стражи, одетой словно в театральные костюмы. Это же только надо, куда и как может забросить галактического следователя-искателя или иначе — инспектора его фатум — судьба!

— Как мне проехать к отелю «Помплон»? — поинтересовался я у воротных стражей.

— Держитесь прямо и никуда не сворачивайте. Мимо «Помплон» не промахнётесь, — послышался ответ.

Интересно, как это можно держаться прямо в совершенно кривых улицах? Однако, и в самом деле, извилистый путь с названием улица Брю, на который наставили меня стражники, привёл к внешне прилично выглядящей, небольшой гостинице.

— Сэм, прими у молодого человека лошадь, — распорядилась дородная дама почтенного возраста, стоящая на улице у дверей.

Вероятно хозяйка этого постоянного двора или, по меньшей мере, старшая распорядительница, — я её потом отправлю обратно.

— Надо же, молодой человек! Это в сорокалетнем-то возрасте? — фыркнула молодая, и я даже сказал бы, весьма приятная лицом, черноволосая особа, принимая у меня твёрдой рукой лошадиный повод.

Так, понятно. Раз обслуга женская и юная, то багаж придётся таскать самому. Впрочем, не страшно. Клади у меня лишь дорожный мешок да наплечная сумка. Однако особа-то, принявшая моего лихого скакуна, сама по себе занимательная. Лет двадцать пять или двадцать шесть? Немного ростом ниже моих ста восьмидесяти, в голубых брюках в обтяжку и ковбойке по-старинному с завязанными узлом полами под угадывающейся под тканью грудью замечательной формы. Но вот глаза заставляют задуматься, настолько ли она легкомысленна, как это можно понять по первому впечатлению от внешности и речи. За весёлостью карих глаз угадывается внимательно изучающая меня глубина, говорящая о том, что обладательница их не так проста, как выглядит. В этом есть что-то настораживающее.

Соскочив с седла, я огляделся. Почти круглая, вымощенная плитами, довольно обширная площадь. Обставлена трёх- и четырёхэтажными,

каменными домами и домиками. Выглядит очень покойно и изящно. Не хватает лишь фонтана или памятника посередине. Не очень оживлённо в такое дневное время, но несколько человек сидят за столиками уличного кабачка-кафе напротив отеля и откровенно разглядывают вновь прибывшего. Интересно, что из улицы Брю вслед за мной никто не выехал и не вышел. И лахтиметр в кармане успокоился.

— Мадам, — обратился я к матроне в дверях, — какое счастье добраться до вашего пристанища. Вы просто не представляете, как может опостылеть космическая скука. Чувствую, что в вашем заведении я обрету чисто домашний покой и уют.

— Несомненно, обретёте именно его, как только войдёте, — и мадам распахнула передо мной дверь.

Внутри тоже оказалось совсем неплохо. Тёплая желтизна деревянной обшивки стен, вроде как дубовая конторка, замысловатой формы оконные рамы и, наверное, скрипучая деревянная лестница куда-то наверх.

— Не обращайтесь внимания на выходки моей дочери, — произнесла матрона, оглянув конторку и доставая книгу регистрации постояльцев. — С тех пор как не стало отца, с ней сладу нет. А уж язык у неё, вообще, живёт отдельно от головы. Так что не

сердитесь, пожалуйста. Без дочери я бы не справилась с нашим хозяйством. Меня зовут Сара Дежу. Как вас записать, господин?

— Анри Дега с Земли.

— С Земли? А где это? Наверное, очень далеко.

— Далеко.

— Вам комнату побольше или поменьше?

— Побольше.

— Тогда номер двадцать четыре на третьем этаже. Вот ключ. Сэм, проводи господина Анри!

Чудеса! Лестница ни разу не скрипнула до самого третьего этажа. А какая изумительная фигурка вертелась на ступеньках у меня перед глазами, пока мы поднимались вверх! Славненькая, славненькая девчушка.

— Скажи-ка прелестница, почему у тебя мужское имя, — спросил я, когда девушка ввела меня в просторную и светлую комнату с голубыми обоями, обставленную лёгкой и приятной глазу мебелью.

— Совсем не мужское имя. Сэм — это сокращённое от Сэмми. Вот ваше жильё. Располагайтесь. Кухни для постояльцев у нас в отеле нет, но если что, то можно принести еду из кабачка напротив. Когда что-нибудь понадобится, то дёрните за этот шнурок — я прибегу или кто-нибудь другой, — и чудо в голубых штанах

приготовилось исчезнуть, взявшись за дверную ручку.

— Постой, постой, Сэмми, скажи, пожалуйста, что ты интересного во мне разглядела? Я же видел, как ты меня изучала. Я уж испугался, а не умеешь ли ты читать чужие мысли.

Моя собеседница звонко рассмеялась.

— А вы не обидитесь? Нет? Тогда скажу немножко. Вы решительный, а иногда и суровый человек, но не злой. Можете нравиться женщинам, если захотите. Внешность позволяет. Образованны и не даёте своему интеллекту валяться где-то в углу, а это означает как наличие педантичности, так и упорства в достижении цели. Может быть, того и другого вместе. Наличие небольшого багажа говорит о неприхотливости, если не об аскетизме. Это в свою очередь наводит на мысль, что в трудных условиях вы не пропадёте. Хватит? О не очень приятном я не буду говорить.

— Почему?

— Я вас слишком мало знаю.

Особа потянула за дверную ручку и исчезла.

Так, дорожный мешок можно бросить в углу. Или лучше в шкаф запихнуть? Запихнул. А дальше что? Начало дня с какой-то непонятной слежкой за мной ничего хорошего вроде не обещает. Хотя, как я вижу, кругом всё спокойно и безмятежно. Может быть, начальник полиции что-то объяснит. Ведь не

ради прогулки он меня сюда заманил. Причём частным образом, а не официально через Галактическую службу расследований. Пришлось взять отпуск. Что-то тут случилось странное и непонятное. А что именно мне так и неясно. Нужно идти в полицейское управление или как оно там называется? Министерство порядка вроде бы.

Я заглянул в запоминалку коммуникатора. Да, именно так и называется, а схема показывает, что мне путь всего лишь на соседнюю улицу. Наверное, потому посланец Министра порядка и порекомендовал остановиться в «Памплоне». Идти далеко не требуется. Загляну-ка я в кабачок или кафе напротив. Завтрак был уже давненько, а сколько времени займут дела неизвестно. Мимоходом для порядка глянул в зеркало на стене. Побрит, причёска из каштановых волос достаточно аккуратна, тёмные, слегка зеленоватые глаза внушают доверие. Многих это располагает к откровенности. Полезное свойство. Нос почти как у всех. Вот фактура лица... Нормально продолговатая, но нерушимой решимости, мужественности, с чего-то замеченной Сэмми, по-моему, нет и следа. Однако это мне до сих пор жить не мешало. Интересная особа эта Сэмми. Не мешает к ней присмотреться.

Быстро сбежав по лестнице, я вышел на улицу и от изумления мгновенно превратился если уж и

не в столб то, во всяком случае, во что-то остолбенелое. Посреди площади сверкает струями и плещет водой красивый каменный фонтан в виде гигантской морской раковины. С тритонами и наядами по краям. В центре фонтана позеленевшая от времени, трёхметровая, бронзовая фигура в камзоле и треуголке, небрежно опирающаяся на шпагу. Причём самое поразительное обстоятельство вовсе не то, что этого фонтана несколько минут назад здесь и в помине не было. Самым странным кажется то, что бронзовая фигура стоит не на постаменте, как это положено каждой уважающей себя статуе, а расположилась прямо в центре чаши фонтана по колена в воде.

Народ, сидящий за столиками на площади и высыпавший из кабачка, и с удивлением озирающий фонтан, почему-то стал растерянно оборачиваться в мою сторону и сверлить мои тело и лицо взглядами. Стоящие рядом со мной хозяйка гостиницы и её дочь тоже молча повернулись ко мне с вопросительным и обеспокоенным выражением на лицах. Повеяло больше чем опасностью и неизвестностью. Стало как-то жутковато и уверенность в своих силах, нажитая многолетним опытом, ощутило заколебалась.

Жизненный опыт подсказывает, что в ситуации неожиданной странности не следует иметь дело сразу с множеством людей. Но и

удивления, страха выказывать, тоже не стоит, пытаюсь сбежать от непонятного.

— Вода в фонтане, похоже, настоящая, — промолвила Сэмми.

— В этом непременно нужно убедиться, — всё ещё глупо пялясь на статую, заявил я, и тронулся с места.

— Ой, не трогайте! — обеспокоенно окликнула меня сзади хозяйка гостиницы, но было уже поздно.

Камень парапета фонтана оказался на ощупь твёрдым и шершавым, а вода прохладной и мокрой. Ощущение нереальности происходящего испарилось, а драматизм опасности, угрожающей неведомо откуда усилился. Я оглянулся вокруг. В лицах, обращённых ко мне не видно враждебности. Только, похоже, укоризна за что-то. Я пожал плечами и, провожаемый взглядами, медленно двинулся к ближайшей поперечной улочке, чтобы выйти к Министерству порядка. Надеюсь, что там мне всё объяснят.

— Очень рад вас видеть, господин Дега, — схватив мою ладонь обеими руками, эмоционально произнёс министр порядка Пармезана сэр Сэнди Браун. — Очень, очень рад. Мы вас просто жаждали.

И сэр Сэнди потащил меня к креслу у своего обширного письменного стола. Я огляделся.

Кабинет и действительно министерский. Стены в резных, по виду дубовых панелях, застеклённые шкафы, набитые книгами, вычурная мебель в стиле барокко. Но, вместе с тем, мило и уютно. Да и сам сэр Сэнди под стать кабинету. Начинаящий сидеть толстячок крепкой комплекции с достойными и благожелательными манерами. Одет в тёмно-красный камзол с кружевной оторочкой. Словно попавший сюда из английского Уайт-холла восемнадцатого или девятнадцатого века.

— Да-да, я тоже, как и вы, инспектор, землянин, — признался хозяин кабинета, усаживаясь за стол. — Судя по вашему взгляду, вы об этом догадались. Не удивляйтесь. Лет двадцать пять назад судьба забросила меня сюда. Вот остался, прижился и трудами достиг положения. Вроде бы нахожусь в фаворе у нашего короля-президента. А может быть, и нет. Наш глава страны и планеты не позволяет себе иметь любимчиков. Всех оценивает по делам. Впрочем, в нашей безмятежной стране и дел-то у властителей не так уж много. То есть было не так уж много до некоторого времени. Не так давно дела появились. И причём такие, что пришлось искать помощи извне. Вот и разыскали вас. Вы почти единственный землянин в Галактической инспекции и рекомендуют вас весьма похвально. Я подумал, что с соотечественником мне будет легче

наладить отношения.

— Возможно, сэр Сэнди, но почему, минуя официальные каналы? Ваш посланец ничего не объяснил. Только сообщил, что дело весьма серьёзное и мои услуги будут оплачены. Больше ничего сказано не было. Мне пришлось, наведя справки о планете Пармезан, положиться лишь на слова посланца, как уполномоченного лица, снабжённого вами соответствующим документом.

— Почему неофициально? — скребя подбородок, задумчиво спросил сам себя сэр Сэнди. — Похоже, проблема у нас возникла такая, что обратись мы официально, и вся планета будет наводнена агентами и исследователями. Нам не нужен шумный интерес, вслед за которым внешний, суетный мир бросится сюда и уничтожит весь наш привычный и тихий жизненный уклад. Король-президент согласен со мной, что нужно сначала самим понять, что происходит. Может быть, удастся справиться с напастью, не привлекая никого извне, кроме вас.

— Мне кажется, что только я ступил на вашу планету, так почти сразу с какой-то непонятной проблемой уже столкнулся. Если это именно то, о чем вы ведёте речь, то мне уже интересно. А также мне было бы полезно понять, что это за такой необычный пост у главы планеты, как король-президент. Одно исключает другое.

— Вот как? Столкнулись? И в каком виде? —
обеспокоенно спросил министр.

— В виде большого фонтана, который вдруг
возник на площади перед «Памплоной» через
несколько минут после того, как я о нём подумал.

— Вы его не трогали?

— Кого не трогал?

— Фонтан.

— Трогал. Как же не потрогать-то. Нужно же
было убедиться, что это не я сошёл с ума, а
местный мир.

— Ох, вы меня успокоили, — со вздохом
облегчения произнёс сэр Сэнди. — Фонтан так
фонтан. Пусть теперь будет и фонтан на Соляной
площади. Слава Богу, что от этого никто не
пострадает.

— Так что же всё-таки у вас такое
происходит, что фонтаны вдруг растут, словно
грибы после дождя?

— Ах, если бы только фонтаны! Это началось
с полгода назад. Да, полгода. Не удивляйтесь.
Обращение Пармезана по орбите почти такое же,
как и у нашей родной Земли. Мелочью разницы
можно пренебречь. Она почти незаметна. В
пармезанских сутках двадцать три с половиной
земных часа. Не зря кое-кто из наших предков,
вдруг оказавшись здесь, осел на планете лет пятьсот
или больше назад. Не добром осели, раз одичали до

своеобразного, совсем не земного средневековья. Наверное, их просто бросили здесь. Что делать. Несколько сот лет назад космическое пиратство процветало. Возможно, пираты высадили здесь на произвол судьбы экипаж и пассажиров какого-нибудь звездолёта. От этих первопоселенцев нам и досталось как аппетитное название планеты и столицы, так и название должности главы государства. Наверное, так своеобразно выразилась тоска по дому. Хотя, нужно заметить, сыры у нас делают замечательные. Экспортируем даже. Предупреждаю ваш очередной вопрос. На Пармезане что-то вроде социализма, но только без ведущей роли государства. Защищаться не от кого и поэтому нет и армии. Плывём безмятежно по течению. Вернее, плыли до недавних пор.

В дверь постучали, и вошёл подтянутый, аккуратно одетый в обычный костюм господин примерно моего возраста, роста и с любопытством глянул на меня внимательными, серыми глазами.

— Вызывали, сэр Сэнди?

— Проходи, проходи, Мишель. Знакомься. Это тот, кого мы ждали — инспектор Дега.

Вошедший приблизился, и протянул руку.

— Мишель Пауэр.

— Анри Дега.

— Вот и хорошо. Познакомились и ладно. Мишель будет вашим помощником, если вы,

инспектор, согласитесь посодействовать нам в разрешении задачи. Он полицейский. И при этом очень неплохой полицейский. Понимаю, понимаю, господин Анри, вы ещё не в курсе дела. Мишель, я только начал говорить с инспектором о нашей проблеме. Может, ты изложишь всё с самого начала? Инспектор как прибыл, так мимоходом успел соорудить на Соляной площади фонтан. Так что ему уже интересно, что за волшебные таланты у него вдруг открылись.

Сэр Сэнди позвонил в колокольчик и приказал вошедшему слуге принести всем чай. Напиток оказался приятным, с довольно своеобразным вкусом и цветочным ароматом.

— Это местный чай — не привозной, — сообщил хозяин кабинета. — И при этом без всяких ароматизаторов. Тоже экспортируем. А вот кофе у нас растёт неважный, несмотря на подходящий климат. Почему так никто понять не может.

— Давайте всё же начнём о деле, — бесцеремонно остановил словоизлияния министра Мишель. — Не чай же у нас проблема. Так вот, Анри, всё началось внезапно месяцев шесть назад. На равнине между городом и космопортом неподалёку от дороги вдруг ни с того, ни с сего возникла огромная каменная пирамида. Сэр Сэнди говорит, что она похожа на сооружения в Египте у вас на Земле. Не знаю, на Земле я не был и

тамошних пирамид не видел. Но вид нашей громады поразил меня и не только меня.

— Странно, — заметил я, — никакой пирамиды я по пути от космопорта не заметил.

— Верно. Её там нет. Пирамида бесследно исчезла на следующий день. Вот после этого первого события в Рокфоре и начались всякие странности. Вдруг что-то необычное возникает, а на следующий день исчезает. А бывает, что и не исчезает. Это могут быть самые неожиданные вещи. Большие или маленькие. Простые или сложные. Безобидные и опасные. Но все без исключения совершенно непредсказуемые.

— Какие это вещи? Хотя бы некоторые конкретно, пожалуйста.

— Кресло-качалка в номере гостиницы. Странная повозка на улице. Деревянный дом вместо каменного тут неподалёку. На Соляной площади вдруг в первом этаже одного из домов возник небольшой магазин ювелирных изделий. Со всем характерным содержимым, но без людей. На городском рынке появилась и на следующий день исчезла лавка с разной и очень странной посудой непонятого назначения. Прежде, чем лавка исчезла, половину посуды растащили. У нас есть несколько предметов из этой лавки. Сможете посмотреть. Они почему-то не исчезли вместе с лавкой. О чём-то до нас доходят только слухи.

Предметы мелкие и если и не пропадают сами по себе, то уходят по рукам жителей. На магазин на Соляной площади можете сами полюбоваться. Он так и стоит пустым. Мы его заперли.

От жителей всё это не скрыть. Это их удивляет и пугает. Особенно потому, что есть и жертвы. На месте нового дома был старый с людьми. На месте магазина на Соляной площади тоже было жильё. Люди, находившиеся в строениях в обоих местах, бесследно исчезли. Неизвестно живы они или нет.

— И ни с чем не удаётся сопоставить это появление предметов?

— Не сразу, но удалось. Одному или двум предметам ничего ведь не сопоставишь из окружающих событий. Но вот когда сложилась множественность, тогда выявилась и закономерность. Предметы возникают после прибытия в космопорт очередного транспорта. Мы были озадачены. Какая тут может быть связь? Странное технологическое вторжение? Почему вдруг и кому это нужно? Потом оказалось, что явление возникает с прибытием не каждого транспорта. А только того, где есть пассажиры. Ещё не легче! Не волшебники же прибывают.

Начали анализировать списки пассажиров за последние месяцы. Выяснилась удивительная вещь. Предметы возникают лишь тогда, когда с

транспортом прибывают люди, которые никогда ранее на Пармезане не были. Слава Богу, что их очень мало по сравнению с местными непоседами. Вот такая штука.

— Я никогда на Пармезане не был.

— Вот вам и удалось явить миру фонтан на площади, — подал голос сэр Сэнди. — Не беспокойтесь. Такое возможно лишь раз. Можете думать и воображать, что угодно. Всё останется лишь у вас в голове. Но ваш фонтан не исчезнет. Вы говорили, что прикоснулись к нему. Исчезают только вещи, которых их творец не коснулся. Это абсолютно точно. Удивительное явление. Не было бы оно иногда опасным, то мы особо и не беспокоились бы.

— Верно, — подтвердил Мишель, — мы не можем оставить без внимания пропажу людей. Ведь можно вообразить и новый город на месте нашего. Да и хотя редко появляются новые люди, но неизвестно с какими мыслями. Живём теперь, как на вулкане. Король-президент предложил временно закрыть въезд на планету новым лицам. Но это палка о двух концах. Сразу во внешнем мире возникнут вопросы и шум по поводу нашей самоизоляции. Нам этого не надо.

— Занятная проблема, — пробормотал я себе под нос. — Уж на что много странного происходит в космосе, но о чём-то подобном и слышать не

приходилось. А ведь странности — это как раз тот хлеб, которым кормится Галактическая инспекция. Могу совершенно определённо сказать, что такое явление не встречалось ещё нигде. Оно противоречит всем законам природы и поэтому наука нам ничем помочь не сможет. Вполне определённо можно сказать только одно, до чего вы, господа, наверное, и сами догадались. Явление не местного происхождения. Оно пришло или принесено извне.

— Уж до этого-то мы дошли, — тяжело вздохнул сэр Сэнди. — Только от такой догадки не легче. Что будем делать?

— Начнём с организации рабочей группы. Как я понимаю, Мишель поступает в моё полное распоряжение.

— Поступает, — подтвердил сэр Сэнди. — Со всем своим аппаратом в случае надобности. Полицейскими делами займётся его заместитель.

— Отлично. Нужно ещё пару-тройку толковых агентов для поручений, возможно, охраны и черновой работы. Думаю, у вас такие найдутся, если принять во внимание довольно квалифицированное сопровождение меня от космопорта до гостиницы.

— Какое сопровождение? — в один голос с явным беспокойством спросили мои собеседники. От чего у меня по спине пробежал едва ощутимый

холодок. Я же не супермен какой-то — нервы всё же есть.

— Вот это да! — не сразу нашёлся я что сказать. — Кто же это тогда шёл за мной по пятам с момента прибытия?

— Не было печали, — пробурчал Мишель. — Это что же получается? Либо кто-то из нас проболтался, либо за нами уже давно следят. Сэр Сэнди!?

— Ни слова никому!

— Понятно. Я тоже. Наш посыльный к вам, Анри, ничего знать не мог, если не вскрывал пакет.

— Ваш пакет не был повреждён.

— Тогда курьер отпадает и остаётся подслушивание разговоров в самом Министерстве порядка или король-президент. Может, нас прямо сейчас слушают? А, сэр Сэнди?

— Пустое, Мишель. Только не у меня в кабинете. Сюда кроме меня доступа никому нет. Даже уборщик приходит в моём присутствии, а король не болтлив.

— Значит, в другом месте. Мы с вами много в каких уголках болтали обо всём. Хотя и без третьих лиц рядом. Я прикажу проверить все помещения. Получается, что нашей большой проблемой нельзя заниматься здесь. Анри, кто ещё нам понадобится?

— Толковый и энергичный аналитик для поиска информации и разбирающийся в средствах

связи.

Мои собеседники переглянулись.

— Сэмми? — как-то не очень определённо произнёс сэр Сэнди.

— А кто же ещё? — Уверенно ответил Мишель и обернулся ко мне. — Сэмми, которую вы, наверное, видели в гостинице «Памплона» — наш агент. И при этом очень талантливый. Ума ей не занимать. Только вот при нашей бывшей спокойной жизни его приложить некуда. Когда нет полицейской работы, то, либо помогает матери в гостинице, либо сидит в аппаратной галактической связи.

— У вас и аппарат связи есть?

— Не новый, но есть. Поставили по требованию Галактического Совета.

— Отлично! Остаётся только средство перемещения. Раз проблема извне, то, наверное, нам на каком-то этапе дел может потребоваться корабль. Сами понимаете, рейсовые не годятся.

— Согласен, рейсовые по своему усмотрению использовать не удастся — они нам не подчиняются. Я пойду к королю-президенту с докладом о нашем совещании и попрошу предоставить вам в распоряжение королевскую космическую яхту. Уверен, что мы её получим без вопросов и возражений.

— Тогда она пусть круглосуточно, как

говорится, стоит под парами для любого из нашей команды. Раз за вами, а теперь уже за нами следят, то дела могут принимать неожиданный оборот очень стремительно. Так, раз в Министерстве порядка вести разговоры не следует, то центром действий избираем мою комнату в «Помплоне». Вроде пока и всё. У вас, Мишель, наверное, здесь будут кое-какие дела. Так что как освободитесь, то приходите в «Памплону». Будем совещаться. Я сейчас пойду туда. Нужно поразмышлять, с какого конца браться за дело.

Мишель проводил меня до выхода, а по пути заглянули в кабинет агентов. Жерар и Джонни оказались молодыми, крепкими здоровяками с искрой ума в глазах. Познакомились и договорились, что на время нашей совместной работы они поселятся на первом этаже «Памплоны» поближе к дверям на площадь.

На улице благодать. Ласковое солнышко (или как его здесь называют — Солейль) не обжигает светит в темечко. Лёгкий ветерок обдувает лицо, и небо редкой голубизны навеивает мечтательное настроение. Сворачиваю в улочку, ведущую к Соляной площади. Прелестные дома и домики с окнами и балконами увитыми цветами. Совсем, как на Земле где-нибудь в старой Испании или Италии. Сейчас их уже нет как отдельных государств. И архитектура, уклад там давно изменились.

Лахтиметр задёргался в кармане. Какое-то не раз уже спасавшее мне жизнь шестое, седьмое или восьмое чувство заставило меня броситься ничком на мостовую. Надо мной прошелестело что-то упругое и обжигающее. Глухо грохнуло метрах в пятнадцати впереди в стену дома. Посыпались каменные и деревянные обломки и осколки. Мой пороховой, старый и сильно потёртый бесшумный пистолет сам собой оказался в руке пока я падал. Мгновенный переворот на спину. Там, откуда я шёл — никого. Лишь удаляющийся топот ног за углом. Впереди же, слава Богу, тоже никого. Пострадавших нет. Только обеспокоенные горожане выглядывают из окон. Отряхиваюсь и продолжаю путь.

— Что это было? — спрашивает из окна пожилая дама.

— Наверное, метеорит, — отвечаю я и выхожу на Соляную площадь.

Публика в кафе таращится на облако пыли, выползшее из улочки. Мадам Дежу, сложив руки на внушительной груди, стоит в дверях своего заведения. Сэмми сидит на краю фонтана и как маленькая девочка восторженно плещется рукой в воде. Смотрит тоже в сторону улочки, из которой я вышел. Пожалуй, я несколько поспешил с фамильярностью, с которой некоторые воображали обращаются к персоналу отелей и гостиниц.

Подхожу к ней.

— Сэмми, я сейчас был в Министерстве порядка. Вам назначено некоторое время поработать в одной команде со мной, вашим шефом Мишелем и ещё парой ваших коллег.

— А вы кто, Анри?

— Следователь-искатель Галактической инспекции.

— Ого! И чем будем заниматься? Вот этим? — и Сэмми пошлёпала ладошкой по парапету фонтана.

— Именно этим.

— Как здорово! А то тут у нас я чуть не извелась от безделья. С чего начнём?

— С самого главного — с размышлений. Как я понимаю, вот эти стеклянные витрины, что я вижу и есть внезапно возникший ювелирный магазин?

— Он самый.

— Мне нужно его осмотреть и услышать о том, как и что тут происходило.

— Этот объект в моём ведении. Сейчас я ключи возьму.

Сэмми живо соскочила с фонтана и понеслась в гостиницу. Не слишком ли она юная и легкомысленная для нашего дела? Хотя, с другой стороны, сэр Сэнди умудрённый человек и первая мысль у него была именно о Сэмми. Наверное, не зря. Я уже чуть раньше убедился, что в

наблюдательности и логике ей не откажешь. Посмотрим. Девушка примчалась, звеня ключами, и отпёрла зеркальную дверь.

Внутри всё, как в обычном не таком уж большом ювелирном магазине, каких видимо-невидимо, как на планетах-перекрёстках космических дорог, так и в Париже или Нью-Йорке на Земле. Только здесь словно побывала банда грабителей. Витрины прилавков раскрыты, а кое-где и разбиты. Подложки для драгоценностей валяются на полу. Даже полностью и не очищенные от изделий. Кольца, серьги, броши, цепочки раскиданы тут и там. То ли грабёж шёл впопыхах, то ли грабитель и не надеялся унести всё. Хватал, что в руку можно сгрести.

— Интересная картина. Сэмми, и что тут произошло?

— Сама я не видела, но те, кто был на площади, рассказывают, что какой-то явно приезжий человек сидел за столиком кафе, глазел по сторонам. Когда вдруг заскрипело и зашумело он замер от удивления, как и все. Однако пришёл в себя раньше других и, не расплатившись, бросился внутрь. С площади было видно, как он ломает витрины и сгребает их содержимое в большую наплечную сумку, которая была у него с собой. Затем выбежал и скрылся в сторону космопорта.

— Не задержали?

— За что?

— Да, пожалуй, и, в самом деле, — за что?

Мы прошлись по магазину. Вот лестница наверх, упирающаяся прямо в потолок. Стол и кресла, вероятно, для ожидающих покупателей. Туалет современный. Я нажал кнопку, и в унитазе зашумела вода. Значит, должна быть и в кране над раковиной.

— Я вижу, в городе есть водопровод.

— Уже лет двести. Удивляетесь? Вы, наверное, своё временное жилище как следует и не осмотрели. Там ведь и умывальня есть. Как думаете, Анри, может, стоит прибраться тут?

— Не стоит, а необходимо! Попробуем этот магазин использовать для своих целей. В Министерстве порядка нам будет не очень удобно с точки зрения безопасности от слежки. Пока что, во всяком случае. Похоже, что там установлены подслушивающие устройства.

— В Министерстве? Кем?

— Мы ещё не знаем, но с помощью этого магазина попробуем узнать.

— С помощью магазина? Как это? Вы говорите загадками, Анри.

— Не торопитесь, Сэм, всему своё время. Так вы уборку организуете? Скоро, наверное, Мишель уже придёт.

Сэмми выскочила на площадь. Подошла к

женщине, стоящей у фонтана и что-то спросила. Та в ответ кивнула. Подошла к матери. Мадам Дежу снялась с места и принялась стучать в дверь соседнего дома. Не прошло и десяти минут, и Сэмми вернулась в сопровождении четырёх женщин вооружённых мётлами и тряпками. Мадам Дежу среди них.

— Что делать с драгоценностями, — спросила Сэмми.

— Соберите и на глазок поделите. Заплатим ими за работу.

Сэмми с сомнением хмыкнула.

— А можно?

— У них всё равно нет владельца.

— Пожалуй.

В разгар уборки пожаловал Мишель со своей командой.

— Надо же, а я как-то и не подумал, что можно использовать этот объект для наших целей. Раз уж такая незадача с Министерством. Очень удобно. Только вот с площади через витрины внутри всё насквозь просматривается.

— Это и хорошо.

Мишель удивлённо на меня посмотрел, но промолчал. Женщины между тем закончили работу и теперь с недоумением разглядывают полученные от Сэмми предметы. Переглянулись и нерешительно, словно не веря своей удаче,

двинулись из магазина.

— С чего начнём? — поинтересовался Мишель, когда за женщинами закрылась дверь.

— С обеда. Время подошло. Здесь будет очень удобно. Заодно и поговорим.

Кафе рядом. Вышли и запаслись тем, кому что нравится. Расположились в креслах за столом посреди магазина. Площадь через окна, как на ладони. Мы с площади тоже.

— Мишель, когда я от вас возвращался сюда, то мне в спину бабахнули из армейского бластера — промахнулись.

Сэмми замерла с не успевшим завершить жевательное движение ртом. Жерар и Джонни слегка напряглись, а Мишель несколько раз моргнул и с трудом что-то проглотил.

— Уже началось, Анри?

— Похоже на то и похоже, что дело серьёзное. Вы с сэром Сэнди своими разговорами и намерениями кому-то большую угрозу в чём-то создали. Пока шли только разговоры, то никого и не трогали. Но зато наверняка заблаговременно установили всех лиц, от которых может исходить угроза. Так что имейте в виду, что все присутствующие здесь теперь ходячие мишени, а не только я.

— Что-то у меня аппетит пропал, — пробормотала Сэм, тем не менее, возобновляя

трапезу.

Жерар и Джонни тихо заржали.

— Сэм, кто в это поверит? Стоит только вспомнить наш завтрак в падающем планеростате. «Хотя бы поем пока не упали». Твои слова?

— Там ближайшее будущее было ясно, — отпарировала девушка. — Просто и неизбежно. Бояться было уже поздно, а здесь неизвестно, что впереди.

— Может быть, там и было поздно бояться, а здесь не поздно отказаться, — подсказал я.

— Да вы что, Анри! — вскипела Сэмми. — Как это отказаться? Это ведь наша работа. Это мы так, для разрядки. Вы своим сообщением просто ошарашили нас, а вовсе не напугали.

— Тогда отлично. Приступим к анализу ситуации. Изложим известное нам последовательно.

Первое. На Пармезане с некоторого времени происходят опасные события. События эти противоречат известным нам и действующим на планете законам физики. Или если не противоречат, то нам такие законы не известны. Вполне можем предположить, что предпосылки событий привнесены извне.

Второе. Что это за предпосылки мы не знаем и узнать не можем. Ибо неизвестно когда, где и в каком виде они сложились. Соответственно,

неизвестно что искать и где. Это карманный предмет или целая гора?

Третье. Хотя всё происходящее противоречит законам природы, тем не менее, происхождение событий должно иметь физические формы. В любом агрегатном или биологическом состоянии, но физические.

— Почему? — поинтересовался Мишель.

— Потому, что это нечто создаёт осязаемые объекты.

— Понятно. Продолжайте.

— Четвёртое. Как только вы занялись исследованием ситуации, так оказались в зоне чьего-то внимания. Из этого следует, что предпосылки прибыли сюда не сами, а были завезены.

Пятое. Завезены с определённой целью и строго защищаемы, если учесть прослушивание полиции и нападение на меня. Стало быть, многое поставлено на карту.

Шестое. Маловероятно отсутствие конечной цели. Возникающие в Рокфоре объекты не могут быть целью. Они явно возникают случайно, и потребности в них нет. Иначе на них кто-то претендовал бы. Следовательно, беспокоящие нас события явились побочным эффектом достижения неизвестной цели. Эта побочность, наверное, кого-то кроме нас очень беспокоит, но избежать её

этот кто-то не в состоянии. Следовательно, некто запустил какой-то процесс, но контролировать его полностью не может. Физические же процессы не бывают бесследными. Только вот мы не знаем, как выглядят технологические следы такого процесса.

— А фонтан и этот магазин разве не следы? — поинтересовался Жерар.

— Это, скорее, продукты, а не технологические следы применения устройства, явления или технологии. Следы — это потребление энергии, материалов, отходы и всё такое прочее.

Седьмое. Если есть цель, то есть и продукт. А раз есть продукт, то он должен быть осязаем. А раз осязаем, то может быть обнаружен. Если не сам, то его действие. По следам можно пойти от обратного и получить искомое — источник бед.

Вот вроде бы и всё, на что мы сейчас можем опираться.

— Немало-таки вы надумали. Многое из сказанного вами, Анри, нам с сэром Сэнди и в голову не пришло, — сокрушённо покачал головой Мишель. — Но всё же у нас так и не за что зацепиться, чтобы начать разматывать клубок.

— Согласен, что не за что ухватиться. Вот и попытаемся создать зацепку. Превратим этот магазин в мышеловку. За нами непременно должны следить. Раз уж за вами следили ещё до совершения каких-то действий, то теперь-то уж будут следить

вдвойне. Увидят, что мы днём встречаемся здесь и подолгу о чём-то говорим. Подслушивание для наших неизвестных противников, похоже, дело налаженное. Они непременно захотят узнать, о чём мы говорим.

— И мы их сцапаем за установкой прослушивания, — закончила мысль Сэмми. — Классная идея! Вот нам и ниточка будет.

— Вот именно. Из гостиницы следить за магазином просто. А на риск наши противники пойдут в любом случае. Даже если будут знать, что мы все живём в гостинице. Кроме как с площади к магазину не подойти. Постараются риск обнаружения предусмотреть, но всё равно пойдут на него. Ставки явно очень велики. Раз отваживаются среди бела дня пускать в ход армейские бластеры против полиции.

— Ну, не совсем простой полиции, Анри, — улыбнулся Мишель. — Раз покушались на вас, то, полагаю, не без оснований. Наверное, где-то там — в Галактической инспекции у вас определённая репутация и о ней наши противники узнали. Первой-то целью выбрали вас, а не сэра Сэнди или меня. Мне это обидно.

— Не беспокойтесь, Мишель, мне интуиция подсказывает, что достанется всем. Так что вы тоже сегодня же переселяйтесь в «Памплону». Выходить на улицу не меньше, чем вдвоём. Держаться друг от

друга не ближе, чем в четырёх-пяти шагах. Личное оружие держать в боевой готовности.

— Нас пятеро и подвое не разделиться.

— Я могу ходить и один. На такой случай у меня имеется определённый опыт, которого нет у вас. Для меня при нападении спутник рядом иногда может оказаться и помехой, а не защитой.

— Значит, сегодня ночью нам поспать уже не придётся, — подытожила Сэм. — Хорошо, что следить за магазином можно прямо из своих комнат.

— Нет, как раз сегодня можно спать спокойно. Пока что нет видимости, что мы тут — в магазине обосновались для дел. Нужно бы создать атмосферу активности вокруг магазина. Сегодня ещё туда-сюда, а вот завтра нужно будет разыграть спектакль по полной. Если не все, то кто-то из нас в любой момент должен завтра находиться здесь. Будем уходить — приходить и всё такое.

Мишель, вам нужно организовать более или менее оживлённую деловую беготню сотрудников полиции между Министерством порядка и магазином.

Сэм, пусть ваши знакомые заглядывают сюда время от времени поболтать. Через витрину это должно выглядеть как опрос свидетелей.

Жерар, Джонни, вы, когда не сопровождаете коллег, то болтаетесь по городу с задумчивым и

целеустремлённым видом. Оказываетесь в самых неожиданных местах и говорите с людьми о таинственных вещах. Непременно посетите космопорт и устройте допрос диспетчерам и связистам.

Вот вроде на сегодня и всё. Я хочу сказать, что здесь всё. К сожалению, мы не можем освободить «Помплону» от сторонних нашей заботе людей. Хотя не думаю, что кто-то решится штурмовать гостиницу, но, Жерар, Джонни, всё же присматривайте за дверью. Вы будете ближе всех к ней.

Комната Сэмми на втором этаже как раз подо мной.

— Что за история с планеростатом? — поинтересовался я, поднимаясь с Сэмми по лестнице и останавливаясь на площадке второго этажа.

— По приказу сэра Сэнди мы с Жераром и Джонни обучались не здесь, а на Сибелиусе. У нас полицейских учебных заведений нет. Честно говоря, тогда на планеростате я здорово перетрусил, но вида не подала. А падение-то оказалось учебным.

— Вот оно что. Сибелиус, стало быть. Отличную подготовку вы получили. Теперь, когда мы познакомились поближе, может быть, вы всё же раскроете и неприятное, которое вы во мне открыли

при первой встрече? Впрочем, не надо. Я догадываюсь, о чём вы тогда подумали. Из моей фамильярности к вам вытекает пренебрежение к окружающим и эгоизм с самомнением. Наверное, я и в самом деле распустился сверх меры. Что ещё вы заметили?

— Ой, Анри, — рассмеялась жизнерадостная и, вместе с тем, очень собранная, когда надо дочь моей хозяйки, — вы меня раскусили. Мне и добавить почти ничего не осталось. Рациональный склад ума, а бескорыстие и свобода от стереотипов вытекает из того, как вы распорядились с драгоценностями. Судя по тому, какое у вас было выражение лица сразу после покушения на вас, страха вы не испытали, а только досаду.

— Вы мне льстите Сэмми. А ведь в вас привлекает то же самое. Рациональность, наблюдательность, логичность мышления и бескорыстие, в силу которого так легко, без малейших колебаний вы раздали вещи уборщицам, даже не примеряя их на себя. Наверное, не зря сэр Сэнди и Мишель в один голос порекомендовали вас в качестве аналитика.

На втором этаже мы с Сэмми расстались вполне довольные друг другом и я поднялся в свой номер.

Похоже, что спектакль удался. Весь

следующий день вокруг магазина чувствовалось неназойливое, но внимательному глазу заметное оживление. Чтобы всё это не выглядело наигранным и спровоцированным специально для привлечения внимания, к вечеру начали вешать на окна шторы от досужих глаз. Все повесить, как бы не успели.

— Поиск подслушивающих устройств в Министерстве принёс результат, — доложил Мишель, когда я днём вернулся в магазин с прогулки по городу. — Нашли.

— И много?

— Восемнадцать. По числу столов в пищеблоке. В том числе и под тем столом, за которым мы с сэром Сэнди обсуждаем за трапезой дела. Классический случай. Все устройства одинаковые, понятно инопланетного происхождения и весьма дальнобойные. Так что радиус распространения сигнала нам ничего не даёт.

— А?...

— Да, я подумал об этом. За последние полгода поступил на работу в столовую только один человек. Чуть больше месяца назад. Ушёл через неделю, поссорившись с шеф-поваром. Повод для ссоры ничтожный. Явно разыграно. Жерар и Джонни проверяют. Скоро должны быть здесь.

— Убрали жучков?

— Конечно, нам же нужно, чтобы противник потерял источник информации и понял, что из Министерства он уже ничего не получит. Это подтолкнёт его к действиям в магазине.

— Не обязательно. Вероятно, но не на сто процентов. Умный может и понять, куда его подталкивают. Так что будем надеяться лишь на то, что нужда в осведомлённости пересилит осторожность. Не очень обнадеживающая для нас ситуация, но одновременно и весьма перспективная. Сэмми, что случилось с уличным фонарём напротив магазина, пока меня не было? Почему он разбит?

— Какая-нибудь проезжавшая большая повозка могла задеть. Кучер, наверное, даже и не заметил, потому как никто и не останавливался. Да и я увидела только когда бегала домой.

— Очень мило. Какая-то повозка лишает ночного освещения место, на котором мы ожидаем именно ночных событий, и это никого не беспокоило — не заметили. Что мы ещё не заметим?

Сэм виновато закусил губу, а Мишель укоризненно покачал головой, и попытался выручить своего агента.

— Ничего ужасного, Анри. Зато наши шансы заполучить ночных визитёров, похоже, повышаются. Если, и в самом деле, сломанный

фонарь не случайность.

— Может быть, и повышаются. Только вот слежка за повозкой, если та была при наших делах, могла бы тихо и без слов привести нас к чему-то полезному. Тогда как захват всегда чреват молчанием задержанных. Ладно, ничего страшного. Лет десять-пятнадцать назад я и сам многого не замечал. Наблюдательность — дело наживное.

Сэм немного приободрилась и повеселела. Зашелестела, распахиваясь, входная дверь, запустив по магазину солнечный блик.

— Пусто, — прямо с порога сообщил Жерар. — Такого человека по данному им при поступлении на работу адресу никогда не было. Но у нас есть его лицо из личного дела. Да и мы все сами не раз видели его на раздаче блюд. Узнаем, если встретим.

— Если встретим. Что ж, на сегодня у нас здесь вроде бы всё. Конец рабочего дня в полиции и у нас формально тоже. Расходимся. К ночи все должны быть в «Помплоне». Хотя, что это я говорю — к ночи. К вечеру. Нужно подумать, что будем делать завтра, если ночь окажется неудачной. Тут уж я виноват, не задумавшись о том, как для слежки за нами будет выглядеть наше проживание под одной крышей. Ладно, теперь уж не исправить. Сэмми, я хочу взглянуть на ваш аппарат галактической связи в Министерстве порядка.

Аппарат-то, когда Сэм его запустила, оказался вполне работоспособным, хотя и далеко не новым. Впрочем, для сбора информации и мгновенных переговоров достаточно подходящим. Большого нам и не требуется. Две большие комнаты сплошь по стенам и до самого потолка заставлены шуршащими и мигающими приборами приёма, передачи и обработки сведений. Лишь в середине одной из комнат осталась небольшая площадка с парой кресел перед пультом управления. Тесновато.

— Сэм, говорят, что вы много времени тут проводите.

— У нас нет специального оператора связи. Аппарат-то на аварийный случай. Постоянно передавать и принимать нам нечего. Всё нужное приходит и уходит с транспортными кораблями. А мне интересно, что делается в космосе и на других планетах. Сижу здесь часами, слушаю и смотрю, что попадётся. Управляться с такой техникой нас учили на Сибелиусе. Интересно и сэр Сэнди не против, что я тут обретаюсь в свободные часы.

— Замечательно, эта штука понадобится нам в самое ближайшее время. Так что убедиться в её готовности мне было не лишне. Пойдём домой что ли?

В «Помплоне» мадам Дежу угостила всех превосходным ужином собственного приготовления и просто извелась от любопытства,

для чего тут в её владениях собралась такая серьёзная компания. Жерар с Джонни пересмеиваются, а Мишель молитвенно вздымает глаза к небу.

— Мама, перестань, пожалуйста! — не вытерпела Сэмми. — Мы с тобой уже не раз говорили по поводу сования чужих носов в полицейские дела.

— Вот, видите, как она с матерью обращается! — с обидой в голосе попыталась апеллировать к окружающим гостиничная матрона. — И я вынуждена такое терпеть.

Тем не менее, мадам смирилась с неизвестностью и затихла, а мы все, поблагодарив её за доставленное наслаждение, поднялись в мои апартаменты, по пути включив свет в комнатах Мишеля, ребят и Сэмми.

— Уже и фонари зажглись, — заметил Мишель, краем глаза глянув в окно. — Так какие у нас планы?

— Небогатые. Нам понятно, что нечто, просто так, побочно генерирующее очень крупные объекты, в работе, для которой оно предназначено, может создавать, наверное, и ещё более масштабные или разом многочисленные вещи. Здесь на Пармезане они не наблюдаются.

— Вывозят.

— Именно вывозят. Это едва ли не первое,

что нам нужно постараться определить. Что вывозят, как и сколько. Планета обжита и исследована едва ли на одну двадцатую часть. Пустые пространства огромны и на этих пространствах можно скрыть, что угодно. Вывозить же удастся лишь космолётами. И вместе с тем, как я понимаю, из космопорта не поступало сведений о приземлении и уходе неизвестных судов. Это возможно в одном случае. Когда подход к Пармезану скрыт от сканеров космопорта горизонтом планеты. А это означает, что подход к Пармезану и уход от него довольно сложны из-за вращения планеты. Возможно, на той стороне Пармезана есть станция наведения.

— Пожалуй, — подтвердил Мишель, — чтобы в этом убедиться, нужно взглянуть на обратную сторону Пармезана из космоса. Мы это можем сделать на королевской яхте.

— Можем, но не будем. Второй яхты у нас нет и дублёров самих себя тоже. Скорее всего, там окажется защита от любопытных. Мне что-то не хочется разлететься на молекулы. Нужны автоматические спутники-шпионы. Я попробую достать, а пока в пустынные области ни ногой. А вот из вывоза могут вытекать очень интересные последствия. Где-то это может проявиться. Вот тут как раз работа для Сэмми.

— Какая работа? — мигом оживилась

прелестный агент полиции.

— По сбору сведений о необычных явлениях, ситуациях в технических, экономических и политических отношениях в последнее время на просторах космоса. Нужно искать всё, что угодно странное, отличающееся от обычного. От попыток свержения власти до смены моды на одежду.

— Кстати про моду, — вставил своё слово Джонни. — Мы бы с Жераром с удовольствием выпили бы ещё по чашечке чая со сказочно модным всегда вареньем мадам Дежу.

Сэмми мигом улетучилась и вернулась с подносом, заставленным чашками.

Часа через два начали поочередно расходиться.

— Жерар, придёте к себе и погасите свет. Мишель, Сэмми, то же самое с интервалами минут десять-пятнадцать и спускаетесь к ребятам. Оружие не забудьте. Я вслед за вами.

Через полчаса и я спустился вниз, оставив свет в своей комнате включённым. Прибор ночного наблюдения в апартаментах Жерара и Джонни работает. Окно закрыто, но площадь, как на ладони. Фонари горят и в их свете различаются стены домов. Только на месте ювелирного магазина почти непроницаемое чёрное пятно. В комнате тоже темнота, хоть глаз выколи. Откуда-то из дальнего угла слышится хруст перемалываемых зубами то ли

сухариков, то ли печенья.

— Кто где? — интересуюсь я.

— Я тут, — донёлся из хрустящего угла голос Сэмми.

— И я тоже, — добавил Джонни.

— Ага, значит силуэты у окна понятно кто. Я к вам присоединюсь.

Началось томительное ожидание. Через некоторое время хруст в углу прекратился, и послышалось лёгкое, ровное сопение спящего человека.

— Джонни, — шепчу я в ту сторону, — пусть пока подремлет. Не тормозите её.

Часа в три ночи Мишель легонько ткнул меня в плечо и указал на экран прибора. А через окно видно как из улицы Брю появились две тени и замерли, словно прислушиваясь.

— Джонни, будите!

Все зашевелились и замерли перед окнами. Теней на площади уже три. Третья вынырнула словно из-под земли и присоединилась к двум. Вместе свернули к магазину и почти тотчас же опять разделились. Тень, идущая последней остановилась и слилась с одним из деревьев, окружающих площадь, а две другие продолжили путь и растворились в тёмном пятне у магазина. На экране прибора отчётливо видно как они ковыряются в магазинных дверях. Минуты через

три две фигуры проскользнули в магазин и прикрыли за собой дверь. Внутри замелькали узкие лучи фонарей.

— Сэм, через заднюю дверь! — скомандовал Мишель и девушка выскочила в коридор.

Через полминуты Сэмми вывернула из улочки, ведущей к Министерству порядка, и быстрой, суетливой походкой спешащей домой грешницы пересекла площадь. Пробегая мимо интересного дерева, вдруг бросилась к нему плечом и взмахнула рукой. От дерева отделилось тело и, придерживаемое девушкой, медленно опустилось на мостовую.

— Идём! — скомандовал Мишель, и мы высыпались из «Помплоны».

Через окно магазина, не прикрытое шторой видно не только мелькание фонарей. Злоумышленники вытащили откуда-то из внутренних помещений складную лесенку, и вот один из них уже взбирается по ней к люстре над столом. Мишель дал знак Жерару и Джонни. Те встали друг за другом напротив двери. Мишель взялся за ручку, взмахнул рукой и рванул дверь на себя. Жерар и Джонни влетели внутрь паровозом и через секунду, как кеглю сшибли с ног мужчину, замершего от неожиданности у лесенки. Лесенка упала и вместе с ней рухнула на пол и фигура, стоящая на ней. Мишель мигом оказался верхом на

упавшей фигуре и сковал наручниками. Ребята подтащили второго.

— Хоть бы помог кто, — пожаловалась Сэмми, заволакивая тело третьего в дверь.

— В чём помогать? — хохотнул Жерар. — Ты уже доставила арестованного до места.

— Лодыри! — отпарировала Сэмми. — Всё самое тяжёлое и опасное я за вас делаю.

Так, один лежит без сознания. Другой взломщик вертится с ошеломлённым видом, крутя наручники. Наверное, ещё никак не может поверить в произошедшее. Третий, вернее, третья, свалившаяся с лесенки, трясёт головой, пытаясь прийти в себя. Все трое в похожих, чёрных, тесноватых, но немного разных по покрою одеяниях. Только масок и не хватает. Чуть ли не униформа почти всех убийц с незапамятных времён.

— Здесь будем допрашивать или отправим в Министерство и там? — поинтересовался Мишель.

Я дал ему знак молчать, поднял лесенку и вскарабкался к люстре. Электронный шпион в наличии. Не запущен. Отцепил и спустился вниз.

— Можно говорить. Она не успела включить устройство.

— А, может быть, оно не одно?

— Такие штуки не нуждаются в дублировании. Они слышат и через стены,

избирательно различая звуки в любом направлении и отдалении. Управляются радиосигналами. Дорогая вещь.

Женщина, похоже, пришла в себя и теперь, сидя на полу, злобно сверлит нас глазами. Знакомый взгляд. Подхожу к ней, ощупываю спину и вытаскиваю из-за ворота вибронож. Вспарываю ткань у неё на левом плече и рву до локтя. На коже предплечья маленький синий значок в виде оскаленной змеиной головы.

— Наёмники из клана Железной змеи. У тех двоих должно быть то же самое. Опасные звери. Если бы не неожиданность, то нам было бы трудно с ними справиться, несмотря на численное превосходство. Принципиально не носят никакого оружия, кроме ножей. Смотри-ка, третий вроде бы, наконец, просыпается. Ну и удар же у вашей слабенькой, женской ручки, Сэмми! Мишель, отправьте их в камеры. Там стены всё же попрочнее. Днём допросим.

Через полчаса подкатил фургон с внушительным конным сопровождением. Наёмников увезли. Выходим на площадь. Светает. Очень хочется спать.

— Всем отдыхать, — распоряжаюсь я. — В полдень начнём допросы. Хотя надежды на них немного. В клане Железной змеи не принято откровенничать против нанимателя. Мозг

заблокирован против предательства. Есть, конечно, особые средства вызвать разговорчивость, но в нашем с вами распоряжении их нет. Вот женщин из этого клана мне встречать не приходилось. Может, она будет поболтливей. Неважная зацепка нам досталась.

Конечно же, не в двенадцать, а почти двумя часами позже мы с Мишелем спустились в подвалы полиции. Дежурный, гремя ключами, отпёр дверь в камеру женщины. Она лежит на кровати спиной к нам. Даже не шелохнулась, когда мы вошли.

— Смотрите-ка, Анри, — спит. Ну и нервы у этих негодяев.

Мишель тронул лежащую женщину за плечо и потряс. Тело перевернулось на спину. На нас уставились широко и удивлённо раскрытые глаза мертвеца. Нижняя губа страдальчески закушена. На лице пятна. Я потрогал руку.

— Она мертва уже не меньше двух часов. Давайте скорее к другим!

Мы как ошпаренные вылетели из камеры, напугав дежурного, стоящего в коридоре у камеры.

— Быстро других, — скомандовал ему Мишель, рванув к соседней двери.

Спешить оказалось некуда. Везде та же картина или почти та же. Один упал на пол рядом с умывальником, а другой обвис, сидя на стуле. На

лицах синие пятна признака отравления. Такие же, как у женщины. Делать здесь больше нечего. В молчании поднялись наверх.

— Что-нибудь говорят? — встретила нас Сэмми вопросом, а Жерар с Джонни вопросительными взглядами.

— Нет, и не будут, — хмуро ответил Мишель. — Все мертвы.

— Как мертвы!? — поразилась хором вся троица.

— У нас-то! — добавила Сэмми. — Не может быть!

— А вот случилось, — вздохнул Мишель. — Отравление. Судя по пятнам какой-то цианид.

— Сами что ли?

— Вряд ли, — ответил я. — Похоже на самоубийство, но странно синхронное и при этом ещё до допроса. Не характерно для таких типов. Нужно срочное вскрытие.

— Дежурного арестовать? Вот уж не было печали. Люди-то у нас надёжные. Невероятно!

— Дежурный тут ни при чём, скорее всего. Распорядитесь, Мишель, о срочном вскрытии и пусть просветят тела.

— Что думаете, Анри? Как можно добраться до арестантов и напичкать их ядом в запертых и охраняемых камерах, если не подкупить дежурного и караул?

— Был у меня в практике один такой случай, но очень давно. О нескольких слышал от других. Но все те случаи с кланом Железной змеи не были связаны. Если бы такое пришло мне раньше в голову, то, возможно, мы и смогли бы помешать убить арестантов. Не пришло и это досадно. Опять мы на пустом месте.

— Что за случаи, Анри?

— Потом скажу. Подождём результатов экспертизы.

Результаты подоспели не скоро. Пространно написанная бумага и прозрачный пакетик. В пакетике три блестящие тупоконечные капсулы длиной сантиметра три и диаметром миллиметра четыре.

— Были вшиты у каждого в бедро, — сказал я вслух, читая бумагу. — Знакомая вещь — стимуляторы активности. Должны срабатывать при сильном нажиме на место вживления. Впрыскивают в организм сильный активатор, делающий человека на какое-то недолгое время неудержимо сильным и неуловимо быстрым. Также при ранении нейтрализует болевой шок. Полезная вещь. Для наших злодеев активатор заменили ядом и капсулы не нажимного действия, а управляемые радиосигналом.

— Понятно, — прокомментировал Джонни, — наниматель не дождался своих людей обратно и

понял, что они попали в лапы полиции. Нажал на кнопку и опасности, что пойманные проговорятся — нет.

— Как-то так. Опля, а капсулы-то меченые! — узрел я, рассматривая их в электронную лупу. — С серийными номерами. Такие мне ещё не попадались. Нужно списать номера. Сэмми, бумагу. Ага, попались покойнички! Метки не бывают бесследными. Вот тут наниматель банды что-то прошляпил. И я, похоже, догадываюсь, где искать концы.

— Где? Очень далеко?

— Порядочно. У полиции есть межпланетные базы обучения и стажировки агентов. Вы вот прошли курс профессиональной подготовки на Сибелиусе. У преступников тоже есть что-то похожее. Нелегальные учебные заведения, но, к сожалению, должен признать, что довольно эффективные. Время от времени удаётся прикрыть такие курсы обучения, но возникают новые. Спрос на подобные услуги немалый.

— Это вы, наверное, про Церебру говорите, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнёс Мишель.

— Именно про неё. Она издавна оживлённый торговый перекрёсток со статусом нейтральности. Из-за этого статуса на ней полно притонов, бандитов и нелегальной работоторговли. Операции

против криминала приходится проводить тихо и неофициально. Полиция не подкупленная, но инертная. Старается ни в какие разборки не вмешиваться. Лишь бы невидимые войны не выплёскивались на улицы и не затрагивали граждан Церебры и торговлю. Если же такое всё же случается, то полиция скоро и безжалостна. Своеобразное местечко. Как раз там криминальным курсантам и вживляют в тело капсулы с активатором после обучения или по отдельной просьбе делают это кому угодно. В нашем случае наниматель, похоже, захотел, чтобы вшили ядовитые. Вряд ли наёмники об этом знали. Нам это может помочь. Клан Железной змеи своих членов в обиду не даёт. Мишель, нам с собой нужно взять снимки мертвецов и вот этот акт вскрытия. Жерар, Джонни, и у вас, что есть по делу — захватите с собой. Отправляемся прямо сейчас.

— Как, прямо сейчас? — поразилась Сэмми. — А домой зайти?

— Зайдём, зайдём, конечно, но чтобы мигом. Произошло прямое столкновение и при нашей неосведомлённости нам лучше поскорее двинуться туда, где мы хоть что-то можем добыть полезного. Иначе не разберёмся в этом деле. Мишель, уведоьте о ситуации сэра Сэнди. Пусть примет меры предосторожности. А нам с Сэмми нужно попользоваться аппаратом связи. Сэмми, пойдёмте

в аппаратную.

Сэмми запустила приборы и тихое, ровное гудение заполнило комнату. Сигнальные огоньки замелькали чуть ли не всеми цветами радуги. Засветились экраны.

— Машине нужно минут десять для самотестирования и нагрева, — сообщила Сэмми. — Я всё время дивлюсь этому чуду, способному унести сигнал даже за много световых лет и получить оттуда ответ без малейшей задержки.

— Сэмми, пока машина приходит в себя после сна, позвоните в космопорт и распорядитесь подготовить королевскую яхту к пятиминутному режиму взлёта.

— И меня послушают?

— Послушают любого из нас пятерых.

Интересная всё же штука этот самый аппарат галактической связи. Первый появился где-то лет сто пятьдесят земных назад, а эффект, который в нём использован, известен лет пятьсот. Какой разрыв между идеей и её воплощением! Я прошёлся вдоль высоких, мигающих приборных стоек и панелей. Экраны один за другим включаются в том режиме, на котором их выключили. На одном из экранов синее море, голубое небо, пальмы, жёлтый пляж и группка волейболистов и волейболисток перебрасывающихся разноцветным мячом. Вот

один из игроков, доставая мяч, зарылся носом в песок. Остальные над ним захохотали. Не Земля ли это? Очень похоже. Хотя планет земного типа открыто и освоено в космосе немало.

— Сэмми, вы мечтаете о пляжном отдыхе?

— Конечно, у нас на Пармезане и море не такое синее и берега не песчаные, и деревья не такие. В отпуск куда-нибудь съезжу. Вот покончим с нашим волшебством, и Мишель меня отпустит.

— Вы на Церебре когда-нибудь были.

— Нет ещё.

— Там ведь и такие пляжи имеются. Так что есть и шанс их увидеть. Если нас дела не захлестнут.

— Было бы здорово!

Раздался какой-то негромкий и продолжительный, писклявый сигнал.

— Машина готова, Анри.

— Передайте в непрерывном режиме код КЛАСТРОН-898 на частоте номер семьдесят четыре.

Минуты две тишины. Потом машина опять пискнула.

— Код принят и распознан. Включить режим диалога?

— Да.

На главном экране перед нами появился совершенно седой, коротко стриженный джентльмен

с приятным, но строгим лицом, внимательными голубыми глазами и возрастом ненамного старше меня.

— Здравствуй, Анри.

— Здравствуй, Карл.

— Что это тебе спокойно не отдыхается?

Кодами экстренного вызова людей беспокоишь.

— Да вот хочу отдохнуть немного на Церебре.

Понадобился консультант по тамошним пляжам.

— Вижу, вижу. В такой милой компании, как рядом с тобой, почему бы и не отдохнуть со вкусом. Значит, опять вляпался во что-то серьёзное.

— Не то слово. На Пармезане происходят какие-то странные и опасные дела. Мы тут в некоторой растерянности. Единственная ниточка ведёт на Церебру.

— От меня что нужно?

— Как там поживает наша агентурная сеть?

Жива до самого дна?

— Конечно, жива. Ведь Франк там.

— Замечательно. Свяжись, пожалуйста, с ним и скажи, что потребуется его помощь, контакты с беспокойной тамошней публикой. У меня-то на Церебре всё случайное и по мелочи.

— Хорошо, на чём вы прибудете и сколько вас?

— Нас пятеро на яхте короля-президента Пармезана.

— Позывной корабля?

Я обернулся к Сэмми.

— «Кларисса», — чуть ли не выкрикнула она.

— Хорошо, вас встретят. Анри, хотя бы для приличия познакомь меня с этой прелестью, что рядом с тобой.

— Агент полиции Сэмми Дежу, сэр, — опередила она меня.

— Очень приятно, агент полиции Сэмми Дежу. Примите моё восхищение.

— Спасибо, сэр.

— Анри, не забудь написать отчёт. Тогда мы тебе посчитаем не отпуск, а расследование. Я уже догадался, что неофициальность твоего участия, скорее всего, вызвана желанием правителя Пармезана не поднимать шума. Но он ошибается, что официальное расследование — это всегда шум. Всё?

— Почти. Нам понадобятся хотя бы три малых, орбитальных спутника-наблюдателя со стартовыми ракетами. Пусть доставят их в распоряжение Министерства порядка Пармезана. Ты сможешь? Ведь расследование формально ещё не открыто.

— Хорошо. Откроем задним числом, как только ты пришлешь свой первый отчёт. Теперь всё?

— Всё. Описание здешних событий я тебе

отправлю прямо сейчас.

— Тогда удачи вам всем!

Экран погас.

— Ваш начальник, Анри?

— Он самый. Что скажете?

— Симпатичный начальник и ещё не совсем старый. Проглядывает усталость и озабоченность чем-то.

ГЛАВА 2

Притоны Церебры

«Кларисса» — Космическая яхта короля-президента Пармезана поразила своим внутренним отнюдь не королевским аскетизмом. Скромно и с местом негусто.

— Куда же это мы вас всех разместим, — пожимая нам руки и сокрушённо покачивая головой, посетовал капитан Стив Ролли. — Королевская семья всего из трёх человек, а вас пятеро. Есть королевская каюта для царствующей четы и одноместная для королевской дочери. Они с собой даже слуг не берут из-за отсутствия места. Обходятся.

— А что делать, — добавил штурман Эрик Крон, — трое в королевскую, а двое к принцессе. А уж кто с кем пусть сами решают. Всё равно другого варианта нет. На пол можно бросить

противоперегрузочные маты и будет, где устроиться лишним пассажирам.

— Принцесса Сэм, вы кого себе в компанию возьмёте? — поинтересовался Мишель.

— Анри, конечно, ведь он наш с мамой жилец.

Странно, никаких двусмысленных шуток по этому поводу даже от ребят не последовало.

— Капитан, — поинтересовался Мишель, — а как быть с дефицитом противоперегрузочных костюмов, который с нашим прибытием на борт должен образоваться?

— Об этом анахронизме можете забыть, — засмеялся Стив. — На корабле установлен компенсатор гравитации. А маты мы таскаем с собой лишь на случай аварии.

— Тогда последний вопрос. Сколько времени будем добираться до Церебры, — продолжает пытаться экипаж Мишель.

— Если не попадём в метеоритный поток на входе или выходе из прыжка, то два дня с небольшим.

Для Жерара и Джонни полёт прошёл незаметно. Они добыли у штурмана колоду карт и все два дня резались во что-то долгое и сложное. Сэмми попыталась следить за игрой, но быстро поняла, что закрученность правил карточного сражения не для женского ума. Переместилась в

рубку управления и полдня чем-то донимала экипаж. Впрочем, они не были на неё за это в претензии. Потом Сэмми вдруг обнаружила маленькую, бортовую, королевскую библиотеку копий старинных книг и затихла, листая какие-то фантастические романы чуть ли не тысячелетней давности. Мишель изучал уже устаревшие карты поверхности Пармезана. Пытался понять, где злоумышленникам удобнее всего было бы устроить свою базу. Я же пользовался выработанной специально для скучных полётов привычкой — просто спал чуть ли не круглые сутки.

— Анри, — спросила как-то Сэм за обедом, — скажите, пожалуйста, то, что вы наспите за эти два дня, аккумулируется в организме? Можно будет потом четыре дня подряд не спать?

— Увы, нельзя. Избыточно наспанное переполняет ресурсные ёмкости организма и безвозвратно уходит в астрал. Остаются только призрачные следы сновидений.

— Жаль, а то я бы создала запасец сил на всякий случай. Вместо того чтобы донимать команду яхты всякой ерундой.

— Трепачи, — пробормотал Мишель, а Жерар с Джонни только хохотнули. — Ты, Сэм, лучше расскажи, что увлекательного нашла в старых книгах.

— Много смешного и странного в том, как

наши предки представляли себе будущее. В их фантазиях космос по большей части почему-то населён какими-то хищными чудовищами, биологическими уродами и агрессивными цивилизациями. Какие-то думающие щупальца, неуязвимые зубастики, двухголовые монстры с глазами на животе и воинствующие скелеты. А уж растения с клыками просто жуть какая-то! Никогда большего бреда не встречала. Такое впечатление, словно авторы скудость интереса сюжета пытаются наперегонки компенсировать умопомрачительным до бессмысленности антуражем. По полкниги вместо действия занимают объяснения, что это придумано, как работает и по большей части непонятно зачем.

— Это от неизвестности, Сэм. Откуда им было знать, что при освоении галактики человечество встретит лишь одну планету земного климата с разумными существами человеческого типа — Гору с четырёхрукими крепышами — симами. Да и те вовсе не уроды и не злодеи. Остальные разумные найдёныши, хоть на людей и не похожи и сосуществовать в одной атмосфере с нами не могут, но монстрами их не назовёшь. Вообще-то земных планет не так уж мало и жизнь на них своя есть, но вот с разумными существами плоховато. На Церебре, на которую мы летим когда-то тоже были только растения.

— Это ещё ладно, Мишель. А вот чего только наши предки в этих выдумках не вытворяют сами с собой! Заставляют себя говорить на какой-то идиотской смеси неологизмов, придуманных из ничего для предметов и явлений, которые прекрасно описываются традиционным языком, который за тысячу лет почти не изменился. Правда, мы сейчас говорим на галактосе, но и он, как был простым и практичным, таким и остался. Нет, вру немножко. Межгалактическому языку совсем не тысяча лет, а вдвое меньше. Но вот предки просто ради оригинальности выдумывают машины и оружие, необходимости в которых у нормального человека нет, и не будет никогда. Единственное исключение оправдавшейся фантазии — это бластеры. Они есть и у нас в самых разных видах, и исчерпывают почти все потребности в оружии.

Я тут от одного слова чуть в обморок не упала от удивления. Наш привычный обеденный стол, как был тысячи лет назад столом, так и сейчас стол. И вдруг из одной из книг я узнаю, что в наше время он знаете, как называется? Никогда не допрёте с вашим скудным воображением — предабсорбатор. От «абсорбция» — поглощение. Идиотизм полнейший — предпоглотитель пищи что ли? А жилища! В них жить-то нельзя. Можно только посещать, как музей абсурда. Я разочарована и даже возмущена таким издевательством над

собственным будущим. Хотя читать было кое-где и интересно. Признаюсь. Как раз про людей любопытно, словно в наше время писал Роб Хен Лейн из бывшей Америки на Земле и близнецы Стругавские из какой-то России.

— А ты что, никогда не слышала о России? Большая была страна. Не меньше Америки и в галактос вошло очень много российских слов и выражений. Ты сама ими часто пользуешься, не подозревая об их происхождении. Да и имён российских в обиходе, наверное, не так уж мало.

Однако и скука когда-то кончается. У Церебры пришлось повисеть часа два, пока разрешили посадку. На каменных плитах пассажирской площадки, уходящих далеко к горизонту десятки, если не сотни кораблей разных размеров и конструкций. Между ними снуют туда-сюда маленькие — человек на десять портовые транспортировщики. По заказу подвозящие прибывших к зданию космопорта или оттуда развозящие людей по кораблям. У нас удачное место. Для королевско-президентской яхты и место королевское — для дипломатических судов. Совсем рядом с пассажирским терминалом.

— Диспетчер сообщает, что вас встречают, — заглянул к нам капитан Стив. — Сейчас подъедут.

И в самом деле, подъехали или, вернее, один

подъехал, если исключить из внимания водителя транспортировщика. Мы спустились по трапу.

— Здравствуй, Франк. Знакомься — это Мишель, Сэмми, Жерар и Джонни. Все с Пармезана.

— Очень приятно. Карл уже до меня добрался и сообщил, что у вас какие-то дела есть по части не слишком законопослушных обитателей Церебры, — сообщил нам четырёхрукий сим Франк, с которым меня и Карла прочно связывают и не только служебные дела.

Симы ничем не отличаются от людей, кроме лишней пары рук. Хотя какой там лишней! Если посмотреть, как они управляют с ними в жизни, то подчас становится и завидно. Вот и Франк внешне почти совсем обычный крепкий мужчина с умеренным ворохом не поддающихся расчёске русых волос и с слегка монголоидными чертами круглового лица. Взгляд чёрных глаз приветливый и доброжелательный. Он глава представительства, агентства Галактической инспекции на Церебре. Без такой организации нам на Церебре не обойтись. Слишком много хлопот доставляет нам эта планета.

— Есть, есть такие дела, Франк.

— Тогда нам лучше поговорить у вас на корабле.

— Что, всё также сплошное беспокойство? —

спросил я Франка, когда мы вернулись в королевскую каюту, и расселись, где придётся.

— Ох, и не говори, — всплеснул он всеми своими четырьмя руками. — Ничего не меняется на космических перекрёстках. Все друг за другом следят. Все друг друга подсиживают и от кого угодно можно в любой момент ожидать любой подлости. Пока что ваше судно самое безопасное место для разговора. Завтра оно таким, скорее всего, уже не будет. Под какими-нибудь предложениями или без них насуют вам всякой шпионской пакости. Бывали случаи, что даже ночью бесшумно высверливали обшивку корабля, чтобы пропихнуть внутрь следящие приборы. Дырку тут же заваривали и экипаж ничего не замечал. Интересы многих планет сталкиваются тут. Да не только планет, а и частных интересов. Впрочем, что это я описываю. Сам всё прекрасно знаешь.

— Мои спутники не знают, а знать это полезно.

— Не нужно ли чего? — просунулась в каюту голова штурмана.

— Эрик, неплохо бы нашего гостя попотчевать пармезанским чаем. Сэмми вам поможет.

Через пять минут Сэмми торжественно внесла большой поднос с чашками и вазочкой ароматных

крендельков.

— Какой прелестный вкус! — восхитился четырёхрукий сим Франк Доллас. — А аромат-то просто божественный. М-м, нет слов. Совсем не похоже на чай, который подают здесь в Чайна-тауне. Так что вас привело в этот мир прохиндеев и бандитов на Церебре?

— Понимаешь, на Пармезане стали происходить странные и опасные события. Ни с того, ни с сего возникают и пропадают разные материальные объекты, наносящие ущерб людям и имуществу. Мы полагаем, что на планету извне была тайно ввезена какая-то штука неизвестного назначения и опасные события — побочный результат работы этой таинственной штуки. Что это за вещь и где она нам неизвестно, но очень нужно узнать. При исследовании явления мы поняли, что тайна серьёзно охраняется. Случайно поймали троих злоумышленников, имеющих отношение к делу, но допросить не успели. Они внезапно все умерли в одночасье в своих камерах.

— Радиокапсулы с ядом?

— Они самые. С серийными номерами.

— Редкое явление, но что эти номера могут дать? Нет, конечно, вживляли-то их, скорее всего, здесь — на Церебре. Не отрицаю. Если подумать и побегать, то можно установить, кому досталась интересующая вас партия капсул для продажи.

Делают их где-то здесь. А вот кто купил конкретные номера, узнать будет очень трудно. Да и мало что это даст. Совсем не значит, что кто купил, тот и использовал. Ещё что-нибудь у вас есть?

— Все трое отравленных из клана Железной змеи.

— Ух ты, вот это неожиданно и странно. Совсем меняет дело. Если не будете держать об этом язык за зубами, то очень быстро можете огрести кучу больших хлопот. Очень мстительный народец.

— Нам-то за что мстить? — удивилась Сэмми.

— Не вам. Из вас только постараются выжать сведения о том, что и где произошло с погибшими. В средствах стесняться не будут. Даже против такой службы, как Галактическая инспекция. Так что об убитых лучше помалкивать до поры, до времени. Я понял, что вам нужно. Подсказывать куда пойти, что или кого найти и с кем поговорить. Дальше вы будете действовать сами.

— Ты правильно схватил суть, Франк.

— Тогда действуем следующим образом. Я узнаю, кто и где делает капсулы, а вы раскрутите производителя. Дальше посмотрим, что делать. Языком о вашем деле не трепать, даже если поблизости никого и не видно. Ни в какие сторонние конфликты, драки не ввязываться, а если

и придётся влипнуть, то стараться местных граждан не обидеть. Иначе от полиции неприятностей не оберёшься. В остальном можете делать, что заблагорассудится. Пойдём, погуляем что ли? Да, щепотку-другую этого чудесного чая не пожертвуете гурману?

Главный город Церебры — Новый Рим раскинулся за низкими зелёными холмами километрах в десяти от посадочных площадок. По широкой магистрали оживлённым потоком носятся в город и обратно всё такие же юркие пассажирские транспортировщики, что и по полю с космическими кораблями. Только вот на космодроме они жёлтые, а на дороге голубые. Здесь их зовут «жужами», вероятно, из-за характерного звука двигателя. Голубые жужи автоматические — без водителей и ходят только по одному маршруту: космопорт — центр Нового Рима. Параллельно идёт дорога для грузовых машин, а вдоль неё тянется к городу непрерывная цепь складских терминалов.

Среди улиц оказываешься совершенно неожиданно. Нет характерных для старых городов Земли высоких зданий, видных издали. Если бы не более простая архитектура пяти- или шестиэтажных зданий и не прямые улицы, то можно было бы подумать, что мы с Пармезана никуда и не улетали. Правда, густая и шумная, людская уличная толчея центра города ничего общего с тихим и спокойным

Пармезаном не имеет.

Пёстрая и говорливая толпа разницей в расах, одеждах и поведении ясно даёт понять, насколько далеко и широко в космос распространились люди. Да и симов тут мелькает немало. Наверное, каждый восьмой-десятый встречный. Все куда-то спешат, с кем-то спорят и кого-то ругают. Как раз здесь Франк нас и оставил, растворившись в городской круговерти, и пообещав приглядывать за нами, через мой лахтиметр.

— Анри, — поинтересовалась Сэмми, — как мы в этой каше будем различать местных граждан, чтобы ненароком не обидеть?

— Очень просто. Новые римляне ужасные воображалы. Вон парочка беседует прямо посреди улицы, а все их обходят. Других бы уж давно пнули. А вон ещё идут. Мужчины одеваются в тоги по моде, существовавшей три тысячи лет назад, а женщины только в длинные платья. Можно различать и по выражению безразличия и презрения к окружающим на лице.

— И что будет, если как бы случайно врезать по этому презрению и безразличию? — невинно и нейтрально спросил Жерар.

— Если поймают, то три дня просидишь в полиции. А там и тебя самого отлупить могут. На публике их лучше не трогать. Но когда свидетелей нет, то можно и не очень стесняться. Впрочем, им и

так нередко попадает. Очень уж любят слоняться вечером по разным притонам. Особенно тем, где предлагают маленьких девочек.

— У меня такое ощущение, Анри, — смеясь, заметил Мишель, — что вам не раз приходилось сталкиваться с хозяевами планеты в таких притонах.

— Приходилось и должен предупредить, что подраться эти римляне неплохие мастера. Но, ладно, нам нужно где-нибудь устроиться с ночлегом, питанием и взять машину напрокат. Или не брать? Уж потом побродим где-нибудь.

С отелями на Церебре всё очень просто — на каждом шагу. Для меня «Колизей» привычен и неплох.

— О, господин Дега! — воскликнула премиленькая девушка в униформе отеля, сидящая у конторки регистрации. — Я уж вас забывать стала. Хотя такое не очень-то и забудешь. Это ваши спутники? Что будете брать? Два двойных и одиночный? Сами всех запишете? Вот электронные ключи. Знаете, у меня до сих пор спина ещё побаливает. Приятного вам отдыха в нашем отеле! Вы надолго? Я, пожалуй, выпрошу отпуск пока вы здесь.

— Анри, а какое вы имеете отношение к её спине? — любопытствовала Сэмми, когда мы отошли от конторки. — И зачем ей отпуск с вашим

прибытием в отель? У вас с ней какие-то особые отношения?

— Эта девочка просто мой кошмар в «Колизее». Хотя я и её имени даже до какого-то времени не знал. Как только я появляюсь, то с ней что-нибудь случается. Спину ей повредил один из напавших на неё пьяных. Видимо весёлая компания решила пошалить с попавшейся навстречу в коридоре работницей отеля. Одного я так двинул, что он, каким-то образом налетев на жертву, грохнул её об стену. Пришлось везти девушку в больницу. А уж всяких мелких случаев с горячими чайниками, утюгами, разбитыми вазами и падениями на ровном месте в моём присутствии просто не счесть. Отпуск, наверное, потребовался ей для того, чтобы отсидеться дома пока я здесь.

— Рука судьбы? Отель сменить не пробовали?

— Мне здесь нравится. Думаю, в номера подниматься для осмотра не стоит. Здесь они вполне хороши. Сумки наши туда отнесут и без нас. Пойдёмте, я покажу вам территорию, где нам придётся действовать.

Кварталы, как с интересными, так и с сомнительными заведениями и соответствующей публикой занимают всю восточную треть Нового Рима. Ещё только начало вечера и не всё жаждущее развлечений и приключений население центра города и приезжие перелились сюда, но уже начали

собираться.

Неповторимая красочность китайских кварталов поражает воображение. Таинственные мелкие, большие и громадные иероглифы вывесок забавляют своей неповторимой формой и радугой цветов. Драконы в виде росписи стен, на вывесках, на воздушных шарах и даже в виде воздушных змеев над крышами. Архитектура вычурных китайских пагод или, наоборот, нарочито бедных крестьянских фанз и везде бамбук, бамбук, бамбук и лотосы. Бамбук фальшивый, конечно, как и лотосы. Есть и китайцы с косичками. Естественно, тоже с фальшивыми. Впрочем, и китайцы по большей части здесь поддельные. Правда, это почти незаметно.

— Анри, а что здесь написано? Вы китайский знаете? — ткнул пальцем в одну из надписей Мишель.

— Понятия не имею. Да и вообще вряд ли кто знает. Даже сами китайцы. Мёртвый язык, как и многие другие. Есть, говорят, два специалиста по китайскому языку в фирме, которая занимается изготовлением вывесок, рекламы. Вроде бы им платят бешеные деньги за знание языка, но, я думаю, что это просто шарлатаны. Как-то нам пришлось в расследовании пригласить ведущего специалиста по восточным языкам Земли. Не для оценки вывесок, конечно. Так он, когда сюда попал,

то не смог ничего прочесть, кроме отдельных иероглифов. Они сами по себе верные, но составлены друг с другом совершенно бессмысленно. В китайских кварталах для представления своего дела, занятия пользуются образами. А большие вывески с иероглифами это так, для колорита.

— Образы? Вот эти картинки в окнах и на дверях что ли?

— Они самые. Только нужно знать, что подсказывают картинки. Не всегда они означают буквально то, что на них изображено.

— И что говорит вот эта странная курица над огнём?

— Это не курица, а утка. Здесь готовят утку по-пекински. Смотрите, через витрину видно как повар её разделывает. Утка — небольшое здесь из того, что самое настоящее. Рекомендую.

— Может, зайдём и попробуем?

— Почему бы и не зайти. Не пожалеете. А где же Сэмми?

Жерар с Джонни оглянулись вокруг и пожали плечами.

— Только что тут была. Любовалась картинкой китайчонка в мыльных пузырях вон там, на той стороне улицы.

Обозрели все четыре стороны света — нет Сэмми. Вдруг на противоположной стороне с

грохотом распахивается дверь. С такой силой бьётся о стену, что только чудом из неё не вывалились стёкла. Наружу, как пуля вылетает Сэмми и, что есть духу, бежит к нам. Следом за ней несётся необычно рослый китаец в шапочке и с длинной косичкой на затылке. Что-то угрожающее орёт и вот-вот схватит беглянку. Сэмми с разбега юркнула за спину Мишеля и испуганно выглянула через его плечо. Увидев нас, китаец резко затормозил и что-то возмущённо заорал непонятными и явно ругательными словами. Но, глянув на меня, осёкся, скривил рожу, словно хлебнул горького, круто развернулся и рванулся бежать обратно.

Подвела его слишком длинная косичка. Взметнувшись в воздухе, она описала дугу мимо моего носа, и я успел перехватить этот хвост на лету, мигом намотав на кулак.

— Стой, чудило! Ты что тут делаешь?

Косичка отделилась от затылка и осталась у меня в руке. Беглец, схватившись за темя, усвоил утрату, лишь уже достигнув дверей, из которых выскочил. Обернулся и плаксивым голосом заныл:

— Господин Дега, отдайте волосы. Это ведь имущество заведения.

— Иди сюда, артист, — поговорим, — и я обернулся к Сэмми. — Сэм, что за извращения? Зачем вас понесло, мягко говоря, в мужскую баню?

— На картинке китайский ребёнок и я подумала, что это магазин товаров для детей. Заглянула, а там все взрослые, волосатые и голые. И вовсе это не баня!

— А что тогда, если не баня? — давясь вместе со всеми от смеха, полюбопытствовал Джонни.

Сэмми густо покраснела.

— Не баня и всё тут! Идите и сами смотрите.

Фальшивый китаец, между тем, приблизился к нам. Опрятный мужчина несколько неопределённого возраста около пятидесяти.

— Вот, пожалуйста, знакомьтесь, господа и дамы — это Друза Скиннер — самый несчастный из прохиндеев на всей этой планете. Хотя, я подозреваю, что и во всей галактике тоже. Невезуч до умопомрачения. Фантастически. Его невезучесть феноменальна настолько, что о ней ходят легенды. Но зато он вездесущ и всезнающ. О лучшем гиде по притонам Церебры можно и не мечтать. Ты что тут околачиваешься, Друза? В прошлом году ты вроде бы обретался во владениях якудзы, а перед этим был на побегушках у итальянских мафиози. Сейчас прибился к китайской триаде?

— Кормится-то как-то надо, инспектор. Желая вам здравствовать! Вы всегда меня выручали. Выручите и сейчас — отдайте китайские волосы.

— Отдам, отдам. Значит, и от якудзы тебя

попёрли. Ты очень удачно нам попался. Вот твои волосы. Сходи в заведение и скажи, что неожиданно встретил родственников. Давай, живо! Будешь нас сопровождать. Мы тебя подождём за уткой. Да, и физиономию сполосни. Грим под китайца с твоей нордической челюстью выглядит смешно.

Утка по-пекински — это шедевр древнейшего поварского искусства Китая. Рушились империи, осваивались галактики, а этот рецепт во все времена оставался неизменным.

— Удивительно, как это повар извлекает все косточки из птицы, не повредив её натурального вида, — поразился Мишель. — Это не просто ловкость рук, а чародейство какое-то. А вкус! Может, ещё третью возьмём?

— Я пас! Лучше ещё раз сюда зайти, — заявила Сэмми.

Джонни с Жераром на мгновение задумались и согласились с ней. Жерар спросил:

— Анри, а вы, вижу, давно знаете этого Друзу. Занятная фигура!

— Не только занятная, а и неповторимая в своём роде. Впервые я о нём услышал ещё на Земле. Там он фигурирует, как персонаж межпланетных анекдотов. И только здесь я увидел, что это совсем не вымышленное лицо, а ходячий анекдот. Говорят, что он появился здесь лет

пятнадцать назад. Откуда — неизвестно. Если вы захотите что-нибудь провалить со стопроцентной гарантией, то поручите это Друзе. Это все знают и поэтому его на продуктивную работу никто и не берёт. Отсутствие для него работы среди честных людей и утянуло его к преступному дну. Но тут его как раз выручает слава хронического неудачника. Друза — достопримечательность и легенда Церебры. Безобиден и, в общем-то, совсем незлобив, несмотря на то, что груз его неудач просто непосилен для одного человека. Никто не смеет поставить ему что-то в вину и попытаться обидеть. Бог его и так наказал. Его всегда накормят и оденут, а то и работу пустячную дадут. Вроде той, которую он у нас на глазах провалил. Наверное, был поставлен при дверях, чтобы не пускать в заведение женщин, но зазевался и просмотрел Сэмми.

— Надо же, как это можно выжить с таким невезением в таком окружении?

— Как ни странно, его берегут и охраняют буквально все. И в первую очередь преступники. Считается, что Друза оттягивает от них невезение на себя. Даже если бы кто-то из ябудзы или мафиози попробовал бы поднять на Друзу руку, то обидчик долго бы не прожил. Думаю, что даже клан Железной змеи не рискнул бы задеть Друзу. Вот его и знают везде, и пускают везде, и позволяют то, что

никому другому не спустили бы. Я его несколько раз выручил из трудных ситуаций. Ещё когда он не был неприкосновенным. Он не забыл.

Вот этот кареглазый мужчина лет около пятидесяти, с разницей лет в пять, как в ту, так и другую сторону в слегка потрёпанной, но свежей и чистой одежде, немного выше среднего роста с добродушным выражением лица, правильными чертами лица и суетливыми манерами и появился у нашего столика. Уже успел и переодеться, и умыться.

— Я здесь инспектор. Всегда рад служить приятным людям.

— Садись, Друза, и знакомься с моими коллегами. Они впервые на Церебре и хотят посмотреть на здешнее житьё. Ты нам поможешь? Будешь что-нибудь есть?

— Нет, спасибо. Я сыт. Вот чаю с удовольствием. Инспектор, вы, конечно, добрый человек ко мне, но недобрый к тем, среди кого я живу. Я в затруднении.

— Брось, ты же прекрасно знаешь, что у нас на Церебре не может быть никаких полномочий и столкновения с твоим окружением всегда негласны. Как, впрочем, и столкновения здешних кланов между собой. Так что полицейских налётов на притоны после нашего визита можно не опасаться. Это так, по логике вещей. А если что, то можешь

сказать, что мы тебя заставили.

— Можно подумать, инспектор, что вы мало осведомлены о здешних семьях, бандах и нравах. Поводили бы своих друзей сами. Помню, вы совершенно без опаски один наведывались в такие места, куда и мне-то страшновато заходить.

— Один — да, но со спутниками и при этом неизвестными, боюсь, при виде нас будет возникать беспокойство. Нас ведь интересуют не только притоны, а и преступные промыслы. А от беспокойства, что угодно можно наворотить. С тобой такого беспокойства не будет.

— Это, пожалуй, верно, — почёсывая затылок, согласился наш застольный гость. Стало быть, вы обещаете только созерцание язв общества и никаких попыток искоренения их в ближайшее время?

— Обещаю.

— Я знаю, что вам можно верить, господин Дега. Но если влипнете в какую-нибудь историю, то выкручиваться будете сами. Дело может оказаться не в недоверии именно к вам, а во враждебности к полиции вообще.

— Мы рискнём.

— С чего желаете начать?

— С курильни.

— Туда уже не пойдёте? — Друга кивнул на заведение через улицу.

— Не пойдём. Та, для кого это заведение представляло бы познавательный интерес, там уже побывала.

Сэмми опять густо покраснела и возмущённо заявила:

— Но не женщины же там!

— Женщинам в другую дверь, — осведомил её Друза.

Сэм так и застыла с открытым ртом. Видимо попыталась себе представить, что там могли бы вытворять особы её пола.

На Церебре не прячут пороки в переулках, проходных дворах, в подвалах и на чердаках. Однако это не значит, что тут допустимо и легально буквально всё. Местная полиция в любой момент может прикрыть любую лавочку, но делать этого не будет, пока не возникнет какая-нибудь вопиющая ситуация, чреватая международными конфликтами.

С чересчур уж активными нарушителями стражи порядка расправляются быстро, круто и тихо. Владельцы и легальных заведений, и запрещённых формально притонов ценят такое положение относительного невмешательства и стараются никаких разборок не допускать или сами гасят их тут же в кварталах. Доходы в казну Церебры льются отсюда нескончаемым ручьём. О коррупции в полиции мне слышать не приходилось. Может, поэтому её так здесь и не любят? Вполне

симпатичные и осведомлённые парни. Прикажут — будут сотрудничать и с Галактической инспекцией. Такие случаи не так уж и редки.

Курильня, в которую нас привёл Друза, оказалась тихим и чистым заведением. И, если бы не идущий из соседнего помещения тяжёлый, приторно-сладкий, лакричный запах опиумного дыма, то можно было бы подумать, что мы попали просто в китайскую чайную. Ничто в этом промысле не изменилось ни за тысячелетия времени, ни за парсеки расстояния.

Друза что-то шепнул содержателю курильни, и нас усадили на подушки за один из низеньких столиков. Появились тончайшие, расписные фарфоровые чашки с ароматнейшим напитком. Не попробовать его было бы смертным грехом.

— Друза, не согласится ли хозяин присоединиться к нам.

— Сейчас спрошу. Хэпин, гости просят тебя разделить с ними компанию.

— Желание гостя — закон для хозяина, — отвечив самый настоящий пожилой китаец. — Сейчас распорядюсь, чтобы и мне чашку принесли.

Через минуту содержатель притона уже сидел с нами, бросая исподлобья, опасливые взгляды на Друзу.

— Не беспокойтесь, Хэпин, хотя и привёл нас сюда Друза, мы вам неприятностей не доставим. Во

всяком случае, не собираемся сделать ничего такого.

— Он сказал, что вы полицейские, а полиция у нас так просто не появляется.

— Мы любопытные полицейские и при этом не местные, и зашли сюда ради интереса, а не дел.

Хэпин вздохнул с облегчением.

— Я вижу, вам чай понравился. Угощайтесь. Только в одном месте земного Китая растут такие сорта, из которых получается моя смесь.

— Понятно. Даже если мы как-нибудь украдём у вас секрет приготовления чая, то сварить его всё равно будет не из чего.

— Не из чего, не из чего, — закивал головой китаец. — Вот опиум везде можно найти, а мой чай — нет.

— А вы в чай опиум не добавляете? У меня от одного чайного запаха голова кружится.

— Что вы говорите, господин Дега, как можно портить благородный напиток дурманом забвенья!

— Это Друза выдал моё имя?

— Нет, в нашем квартале ничего скрыть нельзя. А на самом деле, я года два назад видел, как вы расправились с Джиганом Ли. Тяжёлый был человек даже для нас.

— И много курильщиков у вас, Хэпин, проходит за день?

Хэпин задумался.

— Десятков пять. Больше половины случайные.

— Случайные?

— Да, которые на Церебре пролётом или туристы, ищущие острых ощущений. Не хотите сами попробовать?

Тихо загремела занавеска из бус, прикрывающая вход в соседнее помещение. Неуклюже переставляя ноги, оттуда вышла какая-то истощённая чуть ли не до дистрофии фигура. Глаза невидящие. Зрачки превратились в точки. Постояла несколько мгновений и, покачиваясь, вышла на улицу. Из-за одного из чайных столиков поднялся человек и скрылся за занавеской — место освободилось.

— Постоянный клиент?

— Он самый. Ему уже недолго осталось.

— Какой ужас! — воскликнула Сэмми. — Нет уж, мы пробовать ничего не будем.

Мы с Мишелем переглянулись.

— А мне кажется, что Анри привёл нас сюда не просто так.

— Не просто так, Мишель.

— От одной трубки на всех ничего не будет, — услужливо подсказал Друза.

— Не будет. Хэпин, набейте нам трубку. Если вы не против, то мы прямо здесь попробуем. Друза, помоги ему.

— Понял, нас не будет не меньше пяти минут, — сообразил наш гид и скрылся вслед за хозяином курильни.

— Вы видели обкурившегося. Зрачки, превратившиеся в булабочные головки знак опасности, если вы встретите такую фигуру на своём пути. Обычно они совершенно безвредны, но очень внушаемы. Если накурившийся опиума нацелен кем-то инструкцией действия, то можете быть уверены, что его может остановить только смерть. Так что при первых же признаках агрессии стреляйте без предупреждения. Никаких ваших слов он не воспримет. Их используют только для убийства. Сами понимаете, что в таком физическом состоянии ни для какой драки одурманенные опиумом не пригодны.

— А ещё не одурманенные? — поинтересовался Джонни.

— Эти ещё опаснее, потому что их много больше и целенаправленность у них собственная — любой ценой добыть денег на курильню. Они могут остановиться, но только для того, чтобы снова напасть. Под угрозой оружия ещё могут отказаться от своего намерения в отношении вас, но пойдут искать другой объект для нападения. Этих можно различить по непомерно расширенным зрачкам. Пара затяжек покажет вам, какой дракон ими движет. Вы будете осторожнее. Никакие

предупреждения и описания не заменят собственных ощущений.

— Боязно как-то, — поёжилась Сэмми. — Не втянемся?

— Нет, конечно, разовая, минутная нирвана не создаёт тяги и оставляет только воспоминания. Вон нам уже несут это проклятое зелье. Я, разумеется, с вами, как провокатор вашего морального падения. По одной затяжке и два круга. Этого будет вполне достаточно для опыта.

Хозяин курильни протянул мне дымящуюся трубку.

— Хэпин, не больше пяти минут и приготовь нюхалку, — сказал ему Друза. — Тот кивнул, выудил откуда-то из своих одежд чем-то наполненную скляночку с крышкой и поставил её на стол.

Я, не вдыхая, слегка раскурил трубку, сделал первую затяжку и передал прибор Мишелю. Тот тоже вдохнул и отдал трубку Друзе. Сэмми закашлялась, когда до неё дошла очередь, но, отдышавшись, благополучно повторила попытку. Трубка обошла второй круг.

— Откиньтесь на подушки и закройте глаза, — предложил Друза.

Волна нирваны накатила медленно и тихо. Что это? Где это? Рай или ботанический сад? А небо-то, какое голубое! А радость-то, какая

преогромная! Откуда она и относительно чего? Непонятно. А что здесь делает Сэмми и почему почти без одежды? Так это цветы в её руках так пахнут! Какие прелестные цветы. Дай мне один, Сэмми. Какой у него резкий, острый запах! Постой, постой, ты куда, Сэмми? Куда-а-а...

Дурман рассеялся мгновенно. Голова чиста, словно никакого забвенья и не было в помине. Хэпин убирает из-под моего носа свою открытую таинственную скляночку и переходит к Мишелю. Довольно быстро все приходят в себя. Переглядываются. Ребята усмеваются, Мишель о чём-то сосредоточенно задумался, Друза довольно крикнул, а Сэмми удивлённо взглянула на меня и произнесла:

— Вот это да! Надеюсь, у меня хватит силы воли не пожелать повторить это.

— Да, есть над чем задуматься, — поддержал её Мишель. — Ну, что, опыт закончился? Куда нас теперь поведут?

— Может, к девочкам? — пустил пробный шар Друза.

— К каким?

— К таким, — и он показал мне ладонью на метр от земли.

Я взглянул на Сэмми.

— И это увидеть тоже полезно, но не для слабонервных и морально взыскательных.

— Нет уж, показывайте всё. С нервами у меня пока что всё в порядке.

Хозяин опиумного притона проводил нас до дверей.

— Сколько ему дать? — шепнул я Друзе.

— Пара золотых крон будет сверх ожидания.

— Половина моя, — заявил Мишель, доставая бумажник. — За уроки надо платить. Или нет, всё моё. Полёт деловой и я о расходах отчитаюсь официально, как за получение следственной информации.

— А вообще-то симпатичный старикан этот содержатель курильни, — оценила Сэмми хозяина притона, когда мы отошли уже довольно далеко.

— Симпатичный, — согласился я, — но не советую здесь к таким симпатичным и приятным людям становиться спиной. К Хэпину в том числе. Его промысел не допускает ни доброты, ни безобидности. Здесь трупы делаются легко и с улыбкой. На совести Хэпина, наверняка их немало и при этом не только отравленных опиумом, а и с ножом в спине.

Сэмми притихла.

Пока мы предавались наркотическому разврату, небо потемнело, но на улицах светло от множества фонарей и вывесок. Стало оживлённее. Одни люди торопятся куда-то целеустремлённо, а другие не спеша фланируют вдоль улиц, с

любопытством разглядывая всё вокруг. Друза ведёт нас вглубь узких проулков. Здесь теснее, но не темнее. Слышится разлихая музыка из дансинг-клуба.

— Подождите меня здесь, — говорит Друза, останавливаясь перед симпатичным, двухэтажным домиком совсем не в китайском стиле. Наверное, китайский стиль не обязателен на задворках больших улиц. Стоим и ждём, поглядывая на дверь. Нет ни вывески, ни опознавательных картинок. Только короткая надпись на двери: «Фонтан молодости». Друза выглядывает из двери.

— Можно заходить.

Шикарный холл в коричневых тонах обставлен, словно антикварной мебелью. Стиль барокко выполнен очень похоже. Если бы не блеск новизны, то можно было бы подумать, что мы попали в эпоху каких-нибудь Людовиков во Франции. На диванчиках у стены сидят несколько девочек двенадцати-четырнадцати лет в полупрозрачных коротеньких платьицах. За круглым столом в центре двое явно не местных молодых мужчин рассматривают какие-то альбомы. Немного в глубине слева — у лестницы наверх с причудливыми и красивыми перилами расположился в кресле римлянин лет сорока в зелёной тоге.

Очень занят этот гражданин Церебры.

Придирчиво осматривает, стоящую перед ним совершенно голую девочку лет одиннадцати. Её одежда горкой валяется на полу, а клиент «Фонтана молодости» вертит её перед собой так и этак, тиская и щипля ещё не полностью развившиеся бёдра, ягодицы, груди. Девочка морщится и тихо попискивает, но вырваться не пытается. Наконец, осмотр завершается, господин удовлетворённо кивает стоящей рядом, по всей видимости, содержательнице притона и, взяв девочку за руку, уводит её вверх по лестнице. На верхней ступеньке приостанавливается, словно почувствовав на себе чей-то взгляд. Оборачивается и встречается глазами с Сэмми, которую за пояс на всякий случай придерживает на месте Жерар. Господин вызывающе усмехается и исчезает со своей добычей.

Сэмми беззвучно кипит и клокочет. Шепчу ей на ухо:

— Кто-то только что говорил, что у него с нервами всё в порядке. Держите себя в руках, Сэм. Мы не дома, — и Сэмми разжимает судорожно сжатые кулаки.

Мадам, подобрав одежду уведённой наверх девочки, подходит к нам.

— Друга пообещал, что у меня после вашего визита, господа, неприятностей не будет, и я ему верю. Он хоть и неудачник, но доверия стоит.

Можете посмотреть альбомы, пройтись по дому или спросить о чём-то меня, — мадам игриво хохотнула и, глянув на Джонни, предложила:

— Можете «Фонтан молодости» испробовать и на себе. Недорого возьму. И для вашей дамы найдётся развлечение. Только не здесь, а в соседнем доме. Там есть мальчики от тринадцати лет для дамских утех. Уж такие миленькие, что никакая девушка перед ними не устоит.

Чувствую, что Сэмми, похоже, начала опять тихо закипать, но на миленьких мальчиках вдруг сбавила пар или мне это только показалось? Наверное, всё же это лёгкий тычок Жерара пальцем в позвоночник привёл её в себя.

— Нет, спасибо. Я, то есть мы как-нибудь без мальчиков, — пробормотала Сэмми.

— Напрасно, — отреагировал Мишель. — Смотреть так всё. Сама же говорила. Мадам, — повернулся он к хозяйке притона, — если не секрет, то, сколько у вас девочек и сколько клиентов бывает в «Фонтане молодости» за день?

Мадам скосила глаза на Друза. Он кивнул.

— Девочек шестьдесят две.

— Ого, крупное, широко поставленное дело, — изумился Мишель. — Стало быть, здесь и сейчас мы видим лишь их десятую часть.

— Именно так. Ну, а клиентов заглядывает за день не в пример меньше. Постоянных, которые

заходят, как правило, раз в неделю — человек тридцать. Да случайных, одноразовых не больше десяти-двенадцати за вечер. Вот таких, как эти двое за столом. Посмотрят картинки и поднимутся наверх. Выбранных девочек им приведут.

— По обстановке видно, что ваше дело процветает.

— Грех жаловаться. За свои слабости люди хорошо платят, а вам всем я могла бы сделать хорошую скидку.

Друза тихо засмеялся у нас за спинами.

— Чего ты ржёшь! — бросила ему мадам. — Таких симпатичных молодых людей не принято так просто отпускать.

И мадам опять обласкала взглядом Жерара и Джонни. Те переглянулись, а Мишель подначил:

— Ребята, со скидкой же. А? Когда ещё такой шанс выпадет!

Джонни нервно поёжился.

— Нас Сэмми потом сожрёт с потрохами.

— Вот если она согласится пойти к мальчикам, то мы пойдём к девочкам, — высказался Жерар.

— Вот-вот, — поддержал приятеля и коллегу Джонни, — если тонуть в грехе, то всем вместе. Мишель за счёт казны всё оформит.

— Наглецы и хулиганы вот вы кто, — отпарировала Сэм. — Вам бы только меня обидеть

и поставить в дурацкое положение. Мадам, а как девочки и мальчики к вам попадают?

Бандерша мигом посерьезнела.

— Этого я сказать не могу. Касается дел совсем других людей. Разными путями попадают и ко мне дорога совсем не самая худшая. Ещё никто не придумал излечения от порочных страстей. А это значит, что так или иначе эти страсти будут удовлетворяться. Да, будут и при этом в любых, самых безудержных условиях иногда завершающихся увечьями и даже смертью. Пусть уж лучше всё происходит здесь под присмотром, не допускающем крайностей.

— Неплохое самоутешение, — покривилась Сэм.

— Уж, какое есть. Моралисты к нам не ходят. Вот фальшивые моралисты есть. Днём публично борются с пороками, а вечера прожигают здесь. Иногда и в масках. Настолько известные личности. Так, как, мадмуазель, рискнёте посетить мальчиков? Тоже со скидкой.

— Что поделаешь, — тяжело вздохнула Сэмми, — мы же сами пришли, но только посмотреть. Так что дохода с нас вряд ли получите.

Мадам понимающе улыбнулась и, показав рукой на боковую дверь, пошла впереди нас. Маленький и симпатичный, усаженный цветами дворик. Крошечный бассейн и небольшие статуи

тут и там. Никого. Дверь в противоположной стене. Точно такой же холл, как и тот, из которого мы вышли. Стол, диванчики, лестница. Мальчики лет тринадцати-четырнадцати в лёгких жилеточках нараспашку и шортах чем-то занимаются, рассредоточившись по помещению. Одни вроде бы играют или читают, а двое просто сидят в креслах и словно дремлют. И, в самом деле, мальчики довольно симпатичные, стройные и ухоженные. Клиенток не наблюдается. Только откуда-то сверху, из коридора за лестницей слышатся приглушённые сладострастные женские стоны.

Сэмми, обзрев эту идиллию, и прислушавшись к звуковому сопровождению, подошла к столу и с равнодушным лицом принялась небрежно листать один из альбомов. Изображать безразличие удалось недолго. С изумлённым видом резко захлопнула альбом, и непроизвольно оглянулась, словно её застучали на чём-то непотребном.

— О, Господи! Надо же, чего только в жизни не увидишь. Давайте пойдём отсюда. Я уже насмотрелась.

Мадам что-то шепнула Друзе и оба весело рассмеялись. Когда выходили на улицу Мишель поотстал от нас, подошёл к мадам и достал бумажник.

Остановились на улице.

— Ну, и места-а, — протянула Сэмми и, обернувшись к Друзе, спросила: — И много тут таких?

— Хватает. Это одно из не очень больших заведений. Куда дальше пойдём?

— А что ещё тут есть для ублажения страстей? — поинтересовался Мишель.

— Много чего. Правда, людская сущность какой была сотни и тысячи лет назад, то такой и осталась. Развлечения традиционные. Игрные дома, алкоголь, драки, секс да наркотики. Из тихих и безобидных слабостей только танцы и чревоугодие.

— А что за драки? — живо заинтересовался Джонни.

— Петушинные и собачьи бои, потасовки на ринге без правил. Очень модны битвы роботов. В последнее время, говорят, местные римляне пристрастились к гладиаторским боям, как в Древнем Риме. Гладиаторы, естественно, не римляне и бои иногда до смерти. Я сам ещё ни разу их не видел. Единственное развлечение, которое строго запрещено и преследуется полицией в любом случае и без всяких исключений и допущений. Многие там пропали бесследно.

— Если есть гладиаторы, то должны бы быть и школы для них. Вот бы посмотреть, — подсказал я Друзе.

— Таких школ на Церебре нет. Это точно. Бойцов откуда-то завозят, и я не знаю откуда. Там такие бешеные деньги крутятся, что даже интересоваться, как там и что очень опасно. Я туда не поеду.

— Что-то мне расхотелось путешествовать дальше по значным местам, — просительно произнесла Сэмми. — Но вот битвы роботов я бы посмотрела. Друза, как с этим дело?

— Не очень. Вечером можно посмотреть лишь битвы почти игрушечных роботов. Войну настоящих роботов показывают днём и далеко от города. Туда попасть не столько трудно, сколько очень дорого. У вас денег вряд ли хватит.

— Можно попробовать проникнуть в мастерские преступников. Там много интересного. Друза, нам бы заглянуть в какой-нибудь зал подготовки бойцов и убийц.

— Попробовать можно, инспектор, но гарантии, что пустят не дам. Нам нужно обратно на главные улицы.

Проходя мимо первой двери «Фонтана молодости», чуть ли не нос к носу столкнулись с вышедшим оттуда уже знакомым нам новым римлянином. Роба у него довольная донельзя. Видно славно оттянулся в заведении. Только уж что-то очень быстро. Посмотрел на Сэм и нагло, презрительно осклабил ей в лицо. Зря он это

сделал. Через мгновение, проведя ладонью по окровавленному рту, он взревел от боли, возмущения и злости. Как обезумевший бык бросился на Сэмми и напоролся на встречный, сбивший дыхание удар в грудную кость. Мужчина упал на колени не в силах сделать вдох. Лицо покраснело, словно его вот-вот хватит удар.

— Драпаем отсюда! — скомандовал Мишель, хлопнув пострадавшего по спине, чтобы восстановить тому возможность дышать. И под судорожные хрипы с трудом вздохнувшего любителя маленьких девочек мы быстро, но, не теряя достоинства, выскочили на главную улицу китайского сектора и затесались в толпу.

— Сэмми, тебе выговор за несдержанность, — строго произнёс Мишель. — Ещё один такой фокус и отправишься сидеть безвылазно на королевской яхте. Будешь охранять её от прослушивания.

— А что Сэмми? Он первый начал.

— Я сказал — ты слышала. Больше предупреждать не буду. Не можешь сдерживать эмоции — сиди дома.

Двигаемся в толпе в полном молчании. Вокруг толчея и гул голосов. Зазывалы крутятся у заведений, на все лады завлекая прохожих. Кто-то ныряет в двери, а кто-то выныривает из них. Какой-то сим поймал уличного воришку. Ухватил его двумя руками, а другими двумя лупит того по

щёкам, что-то при этом приговаривая. Публика проходит, усмехаясь, мимо этой нравоучительной сцены. Откуда-то вывалилась совершенно пьяная компания и, распевая чей-то государственный гимн, прётся посреди улицы, мешая проезду машин. Из-за этой толкучки всем приходится смотреть прямо перед собой, чтобы не напороться на кого-нибудь.

Друза, шедший справа от меня, коротко и невнятно чертыхнулся. Видимо его задел внезапно бросившийся вперёд Жерар. Молодой парень лет двадцати семи, двигавшийся с безмятежным видом нам навстречу, узрев летящего к нему Жерара, в миг побледнел, как полотно и рванул назад. Пробежал метров десять, и исчез, словно его здесь и не было. Жерар остановился и завертел головой. В какую из дверей юркнул парень, никто и не заметил. Искать бесполезно. Беглец наверняка уже далеко.

— Ты что, Жерар? С цепи сорвался или знакомого встретил? С чего это ты на прохожих стал бросаться? — ехидно спросила Сэмми, когда мы поравнялись с всё ещё оглядывающимся в недоумении Жераром.

— Похоже, что это был тот тип, который уволился из нашей столовой, — вместо Жерара ответил Мишель.

— Точно он! — подтвердил Джонни. — Нос и брови ни с кем не спутаешь.

— Дурака я сваял, — покаялся Жерар. — Не надо было мне бросаться к нему — вспугнул. Он и так шёл прямо к нам в руки и пришёл бы через несколько шагов, не замечая нас в толпе. Надо же так опростоволоситься!

— Да, безобразно упустили, — согласился Мишель. — Но и ожидать такого подарка именно здесь мы не могли. Раз его тут встретили, то, пожалуй, не зря прибыли на Церебру. Что-нибудь да найдём интересующее нас. Какие-то пармезанские дела тут определённо происходят.

— Вот, пожалуйста, говорили, что ради интереса вы здесь. А, оказывается, какие-то дела, — посетовал Друза.

— Непредвиденная случайность.

Постепенно толпы поредели, улицы стали уже, огней меньше. Куда-то свернули, и стало почти безлюдно. Иероглифы пропали уже давно, да и вывески тоже. Встречающиеся типы смотрят подозрительно, а некоторые, остановившись, глядят нам вслед. Пошли здания без окон напоминающие склады, но и здесь заметно движение. Друза стукнул в какие-то ворота. Залаяла собака, внутри залязгали запоры, и из ворот высунулась лохматая голова. Что-то досадливо спросила у Друзы. Выслушала ответ. Друза проскользнул внутрь.

— Какое-то злое место, — вполголоса произнёс Мишель.

— И обитатели, похоже, не лучше, — как эхо откликнулся Джонни, кивая назад.

В проулке, из которого мы только что вышли, стоят три тёмные фигуры и наблюдают за нами. Справа подобрались ещё две и замерли шагах в двадцати. Где-то грохнула железная дверь и в нашу сторону затопали какие-то невидимки. Потопали и тоже затихли. Жутковато, а Друза где-то застрял. Похоже, что нас обложили со всех сторон. Видны огоньки сигарет, но не слышно ни звука. Ждут команды? Опять загремели запоры и Друза выскользнул в щель.

— Вас не примут. Давайте уйдём отсюда поскорее.

От ворот послышался свист и тёмные фигуры в проулке расступились, пропуская нас, когда мы приблизились к ним. Выйдя на людные улицы, нырнули в первый же попавшийся кабачок, чтобы снять стресс. Китай остался в стороне, а тут вроде бы уже всё итальянское или похожее на итальянское. Красиво и романтично. Публики в меру. Запахи кухни и симпатичная певичка исполняет что-то мелодичное и приятное. Почему бы и не поужинать? Напряжение отпустило.

— Плохая была затея, — заметил Друза, поглощая что-то макаронное. — Вы правы были, инспектор. Если бы пошли сами без меня, то могли бы и не вернуться. Выпустить-то нас выпустили, но

вот боюсь, что свою нейтральную репутацию я из-за вас подмочил. Не любят здесь тех, кто хоть как-то якшается даже с инопланетными полицейскими. И даже если эти полицейские вне службы.

— Извини, что так получилось. Видно я захотел слишком много. Как зовётся то место, куда мы необдуманно забрели?

— Сото.

— Надо запомнить. И днём там так же?

— Нет, при свете солнца в Сото вполне благообразно. Ходить можно безбоязненно, но бесполезно. Все двери и ворота заперты и чужих никуда не впускают так же, как и ночью.

Некоторое время молча поглощали принесённые блюда. Очень даже недурно готовят в этом заведении. Каком заведении? Я даже не удосужился взглянуть на вывеску. Гляну при уходе.

— Позвольте к вам присоединиться, господин Дега? — раздалось у меня за спиной.

— Ого, вот так встреча, Фернан! Как это тебя занесло на Церебру? Присаживайся, — предложил я голубоглазому мужчине лет сорока пяти в безукоризненном вишнёвом смокинге для визитов.

Мои спутники потеснились, а официант мигом доставил ещё один стул.

— Дела, дела, инспектор. Труды насущные. На мои профессиональные знания здесь спрос

появился. Что вы пьёте? Если позволите, я закажу для всех хорошее вино. Со своими спутниками меня познакомите? Очень приятно. Тоже полицейские, как и вы? И дама? Впрочем, догадаться не трудно. Меня представите?

— Фернан Альметти — известный на Земле фальшивомонетчик. Галактическая инспекция издавна пользуется безукоризненно изготовленными им фальшивыми документами. Вот и смотрит сквозь пальцы на некоторые его художества. Да и поймать его на фальшивых деньгах никак не удаётся. Умён и осторожен необыкновенно. Уж сколько мастерских по изготовлению фальшивых денег разгромили, а привязать к ним Фернана так и не удалось.

— Вы мне льстите, инспектор. Из разгромленных мастерских с моим участием была только половина. А один раз вы меня всё же чуть не поймали.

— Это когда ты, чтобы избавиться от клише подсунул их следователю из прокуратуры и он, ничего не подозревая, вынес их из твоего дома?

— Ага, а что было делать? Не хочется в тюрьму-то.

— Когда-нибудь всё же попадёшь. Например, здесь на Церебре заступничество Галактической инспекции тебя не спасёт. На него местная полиция просто не обратит внимания.

— Как интересно! — оживилась Сэмми. —
Никогда не видела живого фальшивомонетчика.
Наверное, увлекательное занятие, Фернан, раз вы
так рискуете?

— Увлекательное? Пожалуй. Но не на
Церебре. Здесь оно просто оскорбительно для меня.

— Вот так новость, Фернан. Чем же это тебя
тут обидели?

— Предложили делать настоящие деньги.
Золотые кроны во всяком случае. Это
издевательство над профессией и моей
квалификацией.

— Постой, постой, как это настоящие кроны?
Какой смысл-то? Ты не заговариваешься?

— Нисколько. Могу даже показать. Пока идёт
организация, то я тут главный, а вы, инспектор, как
понимаю, на Церебре никто. И ваши спутники
тоже.

Сэмми даже заёрзала на стуле в
предвкушении приключения, а Мишель заявил:

— Это было бы просто здорово! Никогда бы
не подумал, что выпадет случай приобщиться к
тайнам фальшивомонетчиков.

— Ну, к тайнам фальшивомонетчиков вам
приобщиться не удастся, — засмеялся Фернан. — А
вот процедуру изготовления денег посмотреть
можно. В ней никакой тайны нет. Кроме
местонахождения. Так что завязать глаза вам всё же

придётся. Дадите обещание, что подглядывать не будете. А господин Дега за всех поручится. Идёт?

— Идёт! Друга, ты с нами?

— С вами, — ответил тот после секундного колебания.

— Послушайте, инспектор, я только сейчас сообразил, а не тот ли это с вами Друга, про которого анекдоты ходят?

— Тот.

— Надо же, какой интересный случай. А я полагал, что это просто выдумки.

Фернан добыл из недр смокинга коммуникатор, отошёл от стола и заговорил с кем-то. Через четверть часа в дверь заведения заглянул какой-то тип и кивнул Фернану. Он встал.

— Пошли, за нами приехали.

Расплатились и вышли на улицу. Глубокая ночь. Маленький автобус с занавесками на окнах. Погрузились, проехали немного и остановились. Фернан раздал всем какие-то тряпки и проверил надёжность ослепления.

— Поехали.

Двигались довольно долго, петляя влево и вправо. Наконец, въехали в какое-то гулкое помещение и остановились. Развязали глаза и выбрались из машины. Большой гараж с ещё парой электромобилей. Захламлено и грязно до ужаса. Ветхая на вид внешне как бы деревянная дверь

бесшумно распахнулась, когда Фернан навёл на неё коротко пискнувший пульттик.

Помещение, в которое мы вошли, сделало бы честь любому промышленному предприятию. Светло, просторно, идеально чисто и свежо. Вдоль одной из стен несколько машин. Некоторые из них чем-то поскрипывают и шуршат, а другие что-то глухо стучают. Несколько человек в чистых голубых комбинезонах спуют у работающих машин с какими-то инструментами.

— Фернан, а почему работа среди ночи? — поинтересовался Мишель. — Какая в том нужда? Вам ведь никто не мешает работать днём.

— Верно, работе в общем смысле не мешает. Днём и работают. Ночью мы отлаживаем изготовление новой продукции, чтобы не мешать дневным делам. Вот добьёмся идеала, и ночью здесь уже никого не будет. Пойдёмте, выдам вам наши некоторые производственные секреты.

Мы подошли к какому-то внушительному, сверкающему сталью аппарату, около которого стоит тележка с жёлтыми брусками золотых слитков.

— Мы отказались от традиционной штамповки монет из прокатанного листа или литых заготовок. Вот эта машина режет слитки на точно отмерянные по весу части. Для соблюдения точности резки в помещении поддерживается

постоянная температура двадцать градусов. А эта вот машина подогревает заготовки током высокой частоты для размягчения и делает из них шарики.

Фернан запустил куда-то в недра машины руку и вытащил горсть сверкающих зеркальной поверхностью жёлтых шариков.

— Дальше идёт формовка размера и накатка. Прямо в этих же формах заготовки монет попадают под чеканящий изображение штамп и падают в этот ящик. Гомер! — вдруг заревел Фернан, вытащив из ящика несколько монет. — Что за дерьмо вы тут понаделали?

Подбежал один из копающихся в соседней машине и с испуганным лицом застыл перед начальником фальшивомонетчиков.

— Почему перекос? — суя под нос работнику монету, поинтересовался Фернан. — Ещё вчера всё было нормально.

— Не знаю, может, это позавчерашняя завалилась, — предположил тот. — Мы ящик со вчерашнего дня не опорожняли.

— Отформованные заготовки есть?

— Есть.

— Запусти пресс.

Машина зашумела, застучала и в подставленные Фернаном ладони посыпались сверкающие монеты с профилем президента Церебры. Фернан придирчиво осмотрел их.

— Вот, пожалуйста, полюбуйтесь на мой позор. Как видите, в линии нет ни машин для покрытия вольфрама золотом, ни фальсификации самого золота. Монеты того же состава и веса, что и выпускаемые казначейством Церебры. Можете что-нибудь понять в такой преступной деятельности, господин Дега?

— Да, ты прав. Очень странно всё это. Затрудняюсь даже оценить это с точки зрения закона. Нет нанесения ущерба. Разве что только нарушение государственной монополии на чеканку монет. Но это почти не наказуемый пустяк при отсутствии экономического урона. Сам-то, что думаешь?

— Мне только одно приходит в голову. Золотые кроны Церебры очень ценятся в галактике. Есть большой смысл их чеканить полновесными только в одном случае. Если золото для них не нужно покупать или оно обходится намного дешевле, чем на рынке металлов. И такого золота должно быть много. Впрочем, это как бы не моё дело, но странно и любопытно.

Хлопнула дверь в соседнее помещение и человек в белом халате поднёс Фернану не разрезанный, радужный лист с отпечатанными стокроновыми банкнотами.

— Вот, моё любимое дело! — воскликнул наш гид по преступному промыслу, и углубился в

разглядывание обеих сторон листа через поданную ему лупу. — Привычная и понятная вещь. Хотя стокроновая ассигнация и равна всего лишь одной золотой кроне, но, сколько приятных эмоций она вызывает. Во всяком случае, у меня, — и обращаясь уже к работнику: — Всё хорошо — запускайте. Пятидесятки уже завершили? Замечательно.

— Это понятно, — засмеялся я. — Дело всей жизни как-никак. Покажете?

— Да вы же всё это уже не раз видели, инспектор.

— Мои спутники не видели.

— Ладно, пусть посмотрят.

Хотя и, в самом деле, смотреть вроде и не на что. Листы бумаги втягиваются в машину чистыми, а с другой стороны вылезают уже с рисунком. Вот и всё. Однако мои спутники замороженно смотрят на мелькание листов в печатной машине и превращение их в привычные банкноты после разрезки. В сторонке загородка с низким бортом, куда сваливают деньги. Несколько мужчин, сняв обувь, топчут и ворошат бумажную массу, придавая ассигнациям побывавший в обращении вид.

— Фернан, помнится мне, что для старения денег тоже есть специальные машины. Почему здесь ногами?

— Машины-то есть, но вот топтание даёт более натуральный вид. Особенно, если топтать в

грязных носках.

Экскурсия благополучно завершилась, и мы опять оказались на центральной улице. Сэмми откровенно зевает. Мишель трясёт головой, прогоняя дремоту. Да и я что-то подустал. Лишь Жерар и Джонни свежие, как огурчики. Добрели до «Колизея», и разбежались по своим номерам. Мишель отключился мгновенно, а я ещё долго ворочался, непонятно почему. Что-то очень важное в подсознании старается выбраться на поверхность и никак не может. Какое-то необычное событие произошло в нашем походе по притонам и при этом прямо у меня на глазах, а я его вроде бы уловил, но не принял к сведению, не придал значения. Что же это было, я так и не вспомнил, проваливаясь в сон.

ГЛАВА 3

Неуловимые капсулы

Утром позвонил Франк и сказал, что будет ждать нас в холле отеля.

— Ну, как вчерашняя прогулка? — поинтересовался он, когда мы устроились за столом в гостиничном ресторане.

— Познавательно, — засмеялась Сэмми. — У нас на Пармезане такого не встретишь. Совсем отсталая наша планета.

— Надо развиваться, — улыбнулся и

Франк. — Кое-какие сведения для дальнейших исследований я вам принёс. Кто и где делает капсулы удалось разнюхать без особого труда, но вот для кого они делались, вам вряд ли получится узнать так же просто. Хотя, Анри, как развязывать языки ты знаешь лучше кого бы то ни было. Подпольная мастерская совсем рядом с городом в медицинском центре активного отдыха и пассивного лечения «Эдем». Довольно популярный и крупный бизнес. У меня там даже знакомый врач есть. Вот адрес и схема как добраться. Хотя если возьмёте такси, то и никакие схемы не нужны.

Однако вряд ли центр имеет какое-нибудь отношение к капсулам. Такая мелочь, ради которой никто не станет рисковать репутацией большого дела. Наверное, с капсулами там как-то пристроились нелегально совсем посторонние. Есть много мест где можно что-нибудь спрятать. Вот там куда-то и приобщились. Загляните в службу выписки и спросите Марту Кей. Скажете ей, что вы от Милашки Дженни. Вроде пока всё. Кто платит за завтрак? Ясно. Я тогда пошёл.

«Эдем» оказался грандиозным по площади оздоровительным комплексом. Меня как-то ни разу не заносило в эти края. Даже трудно представить, сколько отдыхающих сразу может тут поместиться. Въехав в ворота без забора, мы ещё километра два медленно, согласно ограничению скорости

двигались по широкому шоссе до главного здания. Вокруг буйство ухоженной растительности с утопающими в ней тут и там одноэтажными домиками совершенно разной архитектуры. А среди этого разнообразия спортивные площадки, дорожки, бассейны и всякие замысловатые сооружения для развлечений. Кое-какие из них прямо-таки облеплены веселящейся публикой.

Прямо перед нашим открытым такси дорогу перекатил сетчатый шар метров пяти в диаметре. Изнутри его несётся смех мужчин и визг женщин. Перекатил и какими-то зигзагами понёсся дальше прямо по газонам и кустам, пока не бухнулся в первый же попавшийся на пути бассейн. Мгновенно раскрылся на две части, и из него вывалилось в воду десятка полтора людей.

— Надо же, как здорово, — завистливо проговорила Сэмми, озираясь по сторонам. — Я хочу сюда в отпуск, Мишель.

— Ты же собиралась на море с песочком.

— На море тогда в следующий раз, а в этот — сюда. Мальчики, а вы мне компанию составите?

— Можно подумать, — уклончиво ответил Жерар. — Всех сразу нас вряд ли отпустят.

Ажурные конструкции трёхэтажного главного здания создают впечатление сказочного морского дворца. Они настолько легки и воздушны, что, казалось бы, могли существовать только под водой.

Не в воде они рассыпались бы под собственным весом. Однако не рассыпались.

Большой и гулкий зал с четырьмя столами по углам. Таблички с именами служащих. Молодая пара отъезжающих у одного из дальних столов. Марта Кей оказалась очень красивой, с утончённо милыми чертами лица особой лет тридцати и внушающего почтение роста, чуть ли не половину которого составляли безукоризненные по стройности ноги. Сэмми, наверное, из озорства привстала на цыпочки, когда Марта оказалась рядом с ней, и всё равно не дотянула до макушки Марты сантиметра два-три. Марта понимающе усмехнулась, заметив эти упражнения, и окинула нас добродушным взглядом.

— Уже покидаете «Эдем», — с почти неподдельным сожалением произнесла она хорошо поставленным, приятного тембра голосом. — Вызвать такси, доставить вещи, заказать билеты? Позвольте ваши карточки, господа.

— Нет, благодарим, — ответил Мишель. — Мы не покидаем, а прибыли. По делу.

Брови Марти удивлённо приподнялись.

— Но я кроме выписки никаких дел не веду.

— Нас прислала Милашка Дженни.

Брови Марты остались на месте, но вот добродушие в глазах испарилось, словно его и не было. Взгляд стал внимательным и изучающим с